

**А. САГДУЛЛАЕВ
Э. РТВЕЛАДЗЕ**

**В СТРАНЕ
ЗОЛОТОГО ОГНЯ**

ПОИСКИ, НАХОДКИ

А. САГДУЛЛАЕВ
Э. РТВЕЛАДЗЕ

В СТРАНЕ
ЗОЛОТОГО
ОГНЯ

ТАШКЕНТ
«УЗБЕКИСТАН»
1983

63.4(2У)

С 13

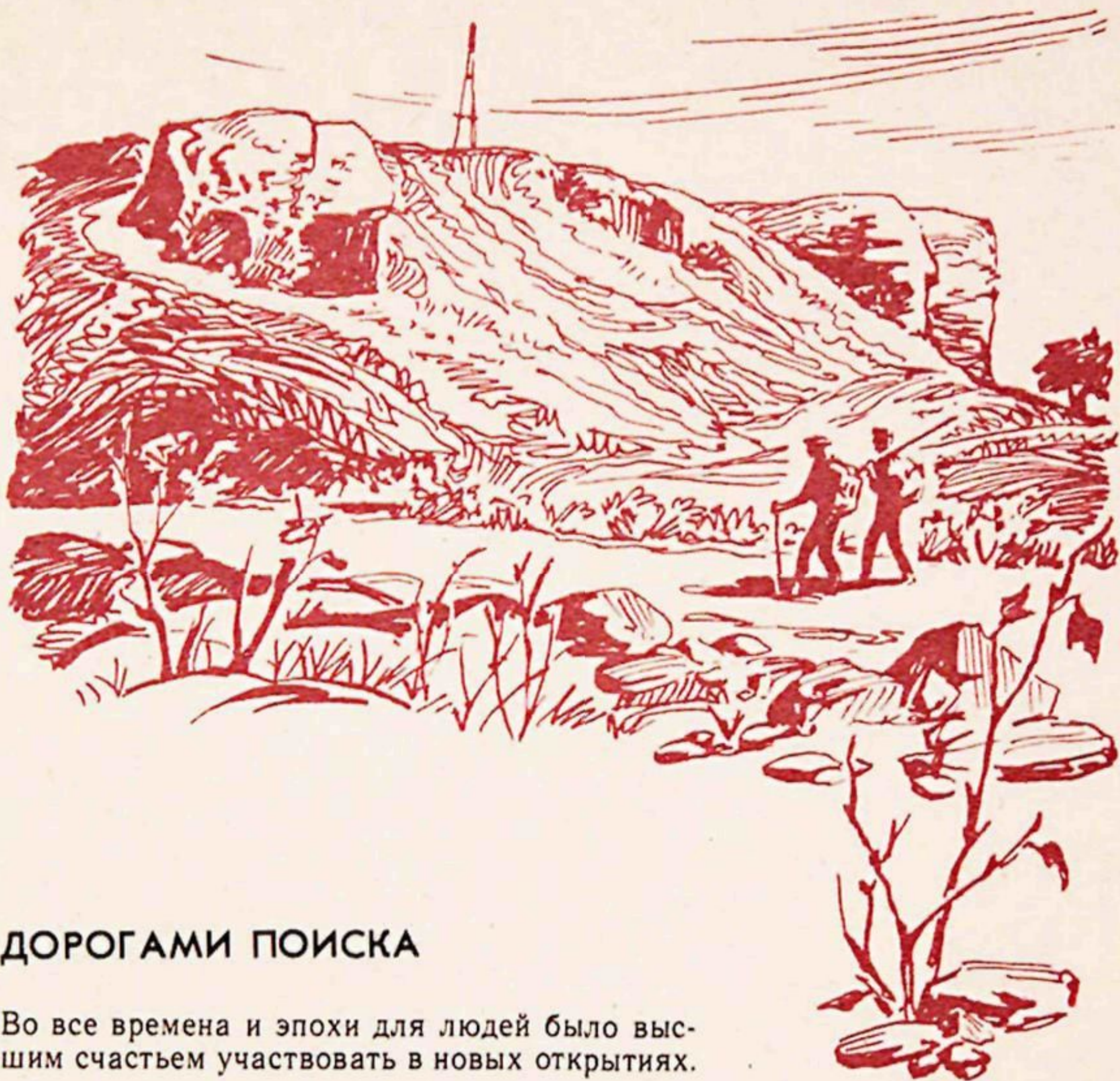
Ответственный редактор —
член-корреспондент Академии наук
Узбекской ССР, доктор искусствоведения,
профессор Г. А. ПУГАЧЕНКОВА

1507000000 155

С ————— 83

М 351 (04) 83

© Издательство «УЗБЕКИСТАН» 1983 г.

ДОРОГАМИ ПОИСКА

Во все времена и эпохи для людей было высшим счастьем участвовать в новых открытиях.

Ю. А. ГАГАРИН

Эта книга — об археологическом поиске. Она написана молодыми учеными, чьи первые научные шаги и последующий творческий рост проходили на моих глазах.

Археология привлекает широкое внимание людей самого разного круга занятий, интересов, профессий. Как-то в беседе с одним из редакторов журнала «Вокруг света» я спросила — какие разделы, судя по откликам, анкетным запросам, письмам, особенно привлекают читателей. Он ответил: археология и научная фантастика. И это в жур-

нале, где так много рассказывается о народах мира, их культуре, обычаях и традициях, о городах и странах, о путешествиях и чудесах природы. Можно понять и интерес к фантастике: люди жаждут заглянуть в свое будущее. Но почему же и к археологии? Не потому ли, что эта область исторической науки зримо раскрывает неписанные страницы далеких эпох по тем следам человеческой деятельности, которые затаены в напластованиях земли и в погребенных предметах древности. Или еще потому, что археология всегда предполагает работу мысли путем сопоставлений, догадок и реконструкций, когда точность фактов и наблюдений сосуществует с прозрениями интуиции?

В археологии вещи вещают, а так называемый культурный слой восстанавливает картину бытия и гибели конкретного пункта, отражая жизнь и деятельность пребывающих здесь людей, но эти «малые истории» несут в себе отпечаток общих судеб стран и народов. А в тех случаях, когда письменные памятники скудны или их нет вообще, археология является главным источником не только в познании материальной и духовной жизни, но и в реконструкции многих сторон социальной истории этих стран и народов. И даже когда письменных свидетельств немало, содержащаяся в них информация обычно полна политических пристрастий, и тогда археология становится важным объективным свидетелем исторической истины.

Археология несет в себе также романтику поиска и открытий утраченных сокровищ прошлого. Не сокровищ в обывательском понимании термина, хотя бывают и таковые, но прежде всего сокровищ материальной, художественной, духовной культуры. Сколько музеев мира заполняют тысячи древних предметов! Одни из них привлекают внимание как свидетельства становления и развития цивилизаций, другие — высоким мастерством выполнения, третьи — а это произведения искусства — совершенством художественной формы и богатством творческой фантазии. И почти за всеми этими предметами — нелегкий, черный труд археологов, месяцы, годы и десятилетия проводившихся ими раскопок.

Часто слышишь вопрос: — «А золото нашли?» Слишком уж укоренилось мнение, будто археологи для того и переворашивают тонны земли, чтобы найти золотые предметы. Вспоминаю такой эпизод.

Только что закончилась война, страна едва начала оправляться от пережитых бедствий, а в Самарканде уже начали готовить материалы для реставрации памятников архитектуры. Мы с профессором М. Е. Массоном и небольшой группой студентов-археологов находились тогда в этом городе и к нам обратились из Самкомстариса с просьбой провести археологический надзор за шурфами возле торгового здания Чорси близ Регистана. Шурфы были нужны для выяснения состояния фундаментов, и работа эта могла представить для студентов хорошую практику. Дело в том, что хотя время возведения постройки в конце XVIII в. и было известно, но высказывались предположения, что Чорси возведено на месте, а может быть и на фундаментах базарного здания Тим, сооруженного в начале XV в. женой Тимура Туман-ака. Лишь археология могла дать на это точный ответ. И потому М.Е. Массон решил сам произвести наблюдения, то и дело опускаясь в глубокий шурф.

Место здесь людное, любопытствующие, несмотря на окрики, теснились у самого края шурфа, рискуя свалиться или же сбросить на раскопщиков обломки кирпичей. То и дело слышалось: — «А что здесь ищут?» Профессор терпеливо разъяснял, что, мол, изучаем фундаменты. И вот однажды кто-то заявил: — «Наверное ищут золотой самовар». С этого момента раскоп стали осаждать толпы: — «А где золотой самовар, который вы раскопали?» Несколько дней не было покоя, наконец, закончив раскопки, чертежи и записи (выяснилось, что и фундаменты и прилежащий к ним культурный слой восходят к XVIII в.), шурф засыпали землей.

А неделю спустя, когда М. Е. Массон пришел в Шахи-Зинду, чтобы заняться надписями на мавзолеях XIV-XV вв., к нему подошли три благообразных старца в халатах и чалмах и почтительно спросили: — «Ну что там у Чорси оказалось?» Массон начал подробно разъяснять им насчет фундаментов и датировок, старики вежливо слушали, а затем один из них сказал: — «Профессор, мы с Вами старые люди. Мы же понимаем, что столь уважаемый ученый не станет заниматься пустяками — работать лопатой в яме ради фундаментов. Вы уж нам по секрету покажите золотой самовар!»

Конечно, случаются находки драгоценных изделий. Таким был, например, клад золотых изделий из Дальверзинтепе, о котором упо-

минается в этой книге. Но как же трудно иногда доказать, что есть иные — духовные ценности, которые стоят и сто́ят выше «презренного» металла и во имя которых осуществляются наши работы. Главная из них — ценность познания, а она-то и приносит исследователю ту радость, которая искупает нелегкий раскопочный труд.

Нередко мне задают еще один вопрос — более содержательный, чем о золоте: — «А как Вы выбираете памятник для раскопок и почему именно тот, а не другой?»

Вспоминаю, как во время раскопок дворца в Халчаяне я поручила сотруднику заложить стратиграфический шурф. Место его выбрала у края колонного портика дворца — таким образом шурф не разрушил бы его платформу и, вместе с тем, непосредственно к ней примыкая, мог показать устройство фундамента. Шурф углубили на четыре с половиной метра, пока, наконец, не опустились на материковый галечный грунт. Было выявлено четыре стратиграфических слоя, причем в самом нижнем оказалось два крупных хума, один из которых с костными останками и черепом человека. Старик-землекоп был поражен и всюду потом рассказывал: — «У нее особые очки, через которые она смотрит сквозь землю, иначе, как она знала, что именно здесь будут хумы...»

Нет, не знала! Таких особых, всепроницающих очков, увы, не существует. А вот ответ на вопрос — где и что нужно копать — будет у разных археологов неоднозначен, потому что разные бывают задачи и разный к ним подход.

С моей точки зрения, основное — та проблема, которой самоподчинено общее направление поиска. А оно, это направление, во многом определяет сам профиль экспедиции.

Узбекистанская искусствоведческая экспедиция (УзИскЭ) была задумана мною еще двадцать лет тому назад и основана в системе Института искусствоведения им. Хамзы. Цель ее — изыскание и изучение памятников градостроительного искусства, архитектуры, изобразительных и прикладных искусств былых эпох с применением методов археологии. Искусствоведение не может ожидать, пока археологи в этом плане что-то найдут, будут годами обрабатывать, годами задерживать (впрочем, иногда и по вине издательства) публикацию материалов и лишь тогда исследователи художественной культуры

смогут подбирать крохи с чужого стола. Искусствоведение должно само активно включаться в добывание фактов и материалов, в поисках художественных ли шедевров, произведений ли массового искусства и зодчества, чтобы иметь возможность разобраться в процессах становления и развития художественного творчества народонаселения древней и средневековой Средней Азии. Так возникла идея УзИскЭ.

В первые годы ее создания и начала работ не раз приходилось выслушивать скептические реплики археологов: — «Что это за искусствоведческая экспедиция, которая ведет археологические раскопки? Изучайте музейные собрания или те материалы, которые мы, археологи, выкапываем и публикуем!» Но мы поставили задачей собственный поиск и изучение памятников, погребенных в земле, с применением строгих принципов археологической методики. И время подтвердило нашу правоту.

Несмотря на то, что масштабы ежегодных работ экспедиции были скромны в силу ограниченности материальных средств, оборудования, машин, малого штатного состава участников (поскольку основная направленность Института искусствоведения им. Хамзы обращена к проблемам современного искусства — изобразительного, театрального, музыкального), работы эти уже принесли значительные плоды. О некоторых из них повествует данная книга.

Если же поставить вопрос: что обеспечивает успех археологических изысканий, я бы ответила так: целенаправленность работ, подчиненных точно намеченным задачам и энтузиазм участников.

Задачи УзИскЭ. Выделение тех эпох среднеазиатской истории, искусство которых было исследовано еще очень мало. Такой оставалась еще до недавнего времени эпоха среднеазиатской античности. Художественная культура Средней Азии времени блистательного расцвета греко-римской культуры первых веков до и после начала нашей эры вырисовывалась очень смутно, хотя ряд открытий в Хорезме, в южном Туркменистане, в приамударьинской зоне Узбекистана (Айртам, Термез) уже и был сделан. Именно в этой зоне был сосредоточен наш поиск, и результат его — архитектура, скульптура, живопись, коропластика Халчаяна, Дальверзинтепе и некоторых других пунктов.

А какова была художественная культура, предшествовавшая античности? Не пребывали ли населявшие эти земли народы в стадии примитивного варварства, пока светоч эллинской цивилизации не был занесен походами Александра Македонского в сердце Азии? Мы снова ищем и обнаруживаем ряд населенных пунктов раннегородского типа — Кызылтепе, Бандыхан, Талашкан, огороженных сильными крепостными стенами (один из признаков города, запечатленный в самом корне слова «городить», «огораживать»). И слагаются они уже в VIII-VII вв. до н.э., в период, предшествующий захвату большей части среднеазиатских земель в VI в. до н.э. войсками могучей древнеиранской державы Ахеменидов и жестокого подавления ими местных восстаний.

Ну, а средневековье? Культура этого времени известна лучше других — эпоха донесла нам выдающиеся памятники зодчества Самарканда, Бухары Шахрисабза, Хивы, взглянуть на которые туристы едут со всех концов земли. Но ведь этими памятниками не исчерпывается архитектурное наследие... И потому выдвигается задача поиска памятников архитектуры. Здесь проблемы УзИскЭ сомкнулись с работами группы «Свода памятников архитектуры и монументального искусства Узбекистана», проводимыми также в Институте искусствоведения. В итоге — открытие ряда неизвестных в науке объектов монументального зодчества — мечетей, мавзолеев, инженерных сооружений, а также большого числа народных жилых домов, квартальных и сельских мечетей, многие из которых сохранили прекрасный декор — резные ганчевые панно, фигурные колонны, орнаментальные настенные и потолочные росписи. Немало интересного получено также в части средневекового художественного ремесла, особенно керамического искусства, традиции которого доныне сохранены в Узбекистане.

Последовательность же полевых экспедиционных исследований такова. Разведка района или целой области. Выбор пункта стационарных работ. Его первичное археологическое изучение: топография объекта и стратиграфия, которую дает зачистка каких-либо уже существующих обрезаов или закладка шурфа (шурфов). Если при этом установлена перспективность исследования в данном участке, осуществляется широкий раскоп. Выявление планировки здания (обычно мы

изучаем архитектурные объекты, но случаются и другие — например, древние могильники, в которых до утверждения в Средней Азии ислама обычно помещался вещественный инвентарь). Изучение заполняющих раскапываемый памятник завалов земли с послойным изъятием археологического материала и его первичным определением.

Подчеркиваю: вещественные находки, получаемые при раскопках, — не самоцель. Раскопки ради добывания из земли интересных предметов древности — это отвергнутый археологией прием. Между тем он широко практиковался в XIX — начале XX вв. Так, в прошлом веке видный ориенталист и глава Императорской археологической комиссии В. Веселовский, прибыв в Самарканд, поставил на городище Афрасиаб десятки землекопов, поручив им копать под наблюдением десятников вдоль и поперек городища длинные траншеи и извлекать оттуда разного рода археологические предметы. Раз в неделю ученый прибывал из загородной дачи на раскопки, чтобы бросить взор на траншеи и выбрать наиболее интересные находки, которые затем направлял в Петербург.

Как далеко с тех пор ушла методика советской археологии, которая ставит во главе угла тщательность раскопок и точность наблюдений! Добывание вещей ради вещей запрещено у нас законодательством. А между тем во многих странах Среднего и Ближнего Востока доныне существуют хищнические раскопки для извлечения предметов древности, которыми археологическое браконьерство насыщает антикварные рынки.

Особо хочу подчеркнуть необходимость изучения завалов в заполнении ли сооружений или за их стенами. В еще не столь далекие времена при раскопке помещений археологи ограничивались лишь удалением земли с выемкой наиболее интересных находок. А ведь именно накопления земли отражают историю здания (а в какой-то мере и самого населенного пункта) после того, как оно было покинуто — навсегда ли, или со вторичным использованием, или с перестройками и приспособлением для новых нужд, а то и при полном изменении его назначения.

Я упомянула выше, что успеху нашей экспедиции содействовал энтузиазм ее участников. Равнодушных не было. Или, точнее, бывали, но, попробовав и устранившись трудностей, не задерживались.

Оба автора этой книги — энтузиасты Узбекистанской искусствоведческой экспедиции и давние ее участники.

Экспедиция давно уже стала школой для многих студентов исторического факультета ТашГУ и искусствоведческого отделения Ташкентского театрально-художественного института. Проходя у нас археологическую практику, они почерпнули материалы для своих курсовых и дипломных работ. Прошли годы — и одни из них уже опытные археологи, выполняющие самостоятельные раскопки. Другие, хотя они и ушли по окончании вуза на преподавательскую, музейную, административную работу, навсегда сохранили интерес к археологии и связь с товарищами по экспедиционному труду. А вот для авторов этой книги материалы многолетних работ в УзИскЭ легли в основу защищенной А. Сагдуллаевым кандидатской диссертации и близкой к завершению докторской диссертации Э. Ртвеладзе.

Авторы поставили цель показать, как рождается археологическое открытие; работу мысли; приемы сопоставления археологических данных с письменными источниками, легендами, сравнительным материалом; и, наконец, итоговый вывод. Они не гонятся за сенсацией, привлекая, наряду с выдающимися памятниками, объекты рядовые. Но и те и другие ложатся кирпичиками в общее здание исторической науки, в познание прошлого по оставленным пронесшимися веками следам.

Г. А. Пугаченкова,
член-корреспондент
Академии наук Узбекской ССР,
доктор искусствоведения, профессор.

ОТ АВТОРОВ

Замечательные открытия советских археологов на юге Узбекистана — земле древней историко-культурной области Бактрия — получили широкую известность в нашей стране и за рубежом.

Бактрии сейчас нет на географических картах. Прошли века. Молчат руины седых городов. Забыты предания. Но открытия археологов ярко и наглядно повествуют о древних цивилизациях, покинутых городах, опустевших жилищах, таинственных храмах и дворцах, об искусстве ваятелей и зодчих, о славных деяниях наших предков.

Мы совершим путешествие в долину Сурхана, богатую археологическими и архитектурными памятниками, край достопримечательнос-

тей и заповедных мест. Насколько оно будет интересным — судить вам. Всякое новое и неизведанное рождает любопытство и интерес, тем более речь пойдет о самобытном и во многом еще не разгаданном очаге древней культуры.

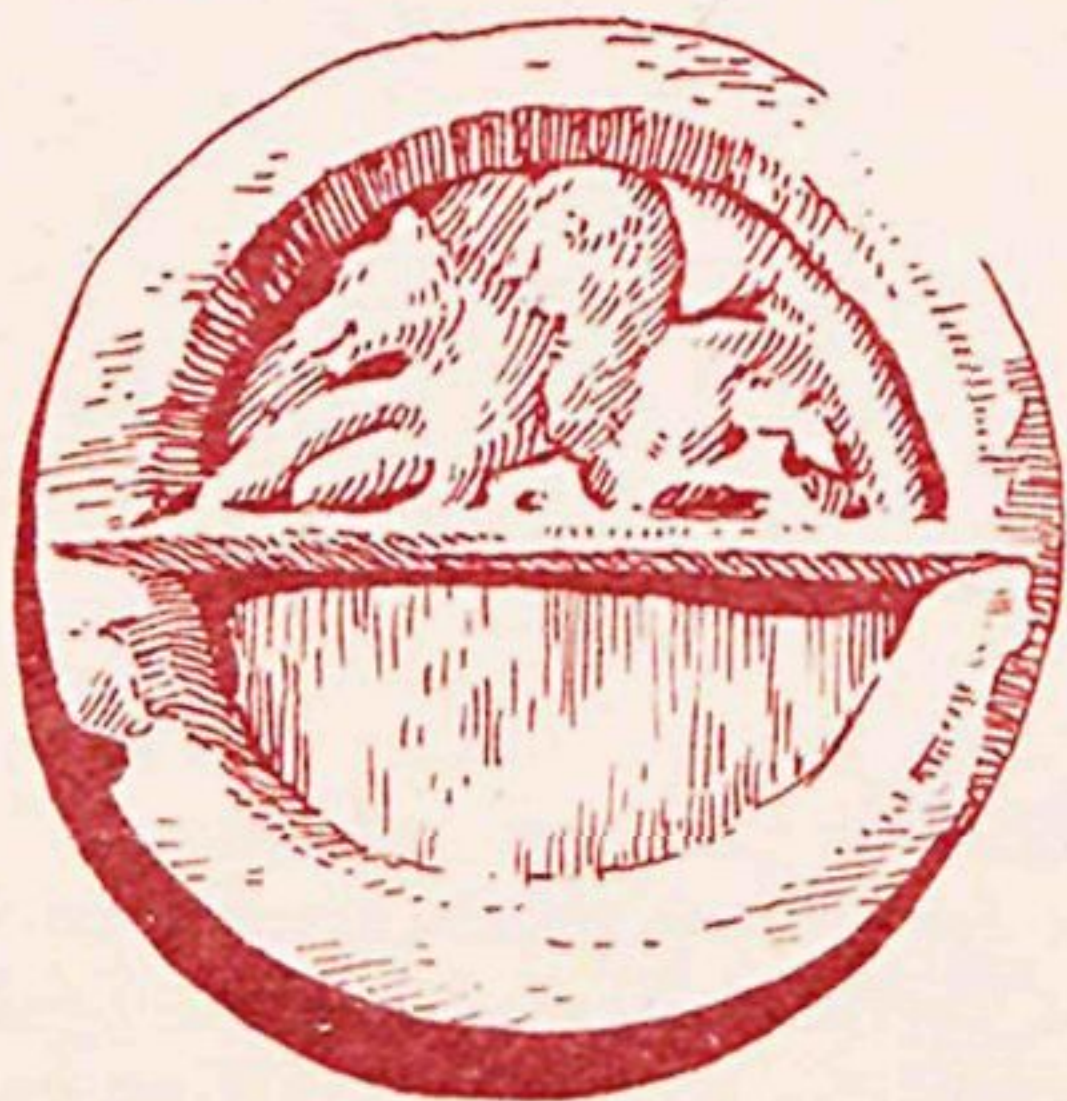
Археологические открытия последнего десятилетия в долине Сурхана показали важную роль области в историко-культурном процессе Средней Азии. Именно здесь формируются древнейшие оседло-земледельческие поселения Узбекистана, а также крупные городские центры раннежелезного века и эпохи античности, представленные разработанной планировочной структурой, мощными укреплениями, монументальной архитектурой, жилыми и производственными зданиями. При раскопках этих памятников археологи нашли сотни, тысячи экземпляров ремесленных изделий — орудия труда, предметы быта, оружие, производственный инвентарь, украшения. Стилистически оригинальна и во многих случаях неповторима каменная, глиняная и гипсовая скульптура, богата яркими красками и сюжетами настенная живопись, своеобразны и терракотовые статуэтки и многие другие древности южного Узбекистана. Хронологически от времени рождения перечисленных творений строителей, ремесленников и ваятелей нас разделяют приблизительно три с половиной — две тысячи лет. Но даже эти, казалось бы, внушительные временные показатели ничтожно малы в сравнении с десятками тысяч лет развития здесь более ранней культуры, восходящей к эпохе камня. Юг Узбекистана послужил зоной расселения первобытного человека и был одним из очагов формирования архаичных цивилизаций земли.

Нередко открытия и находки археологов в долине Сурхана принавались в печати сенсационными. Таковые, безусловно, были и, возможно, будут еще немало. Однако порой на фоне восторженного описания выдающихся находок поиск и кропотливый труд археологов выглядел как нечто второстепенное.

На наш взгляд, читателя следует привлекать не только сенсацией, но и археологией без чудес. Ведь сами археологи не разделяют научные открытия на важные и не важные, как не классифицируется по аналогичной схеме история человеческого общества. Находки выдающиеся и внешне «серые» составляют неразрывное единство, отражая уровень развития конкретной эпохи, мысли и деяния людей. Нель-

зя сравнивать, к примеру, ручное рубило каменного века и железный меч средневековья, или золотые украшения прошлого века — по цене, значимости и т.д. То, что ныне кажется для нас неважным, или вернее — ненужным, не было таким всегда. Более того, всем известно, что железные мечи, золотые украшения и все, что было и есть, начинают историю от ручного рубила, как вещи и продукт труда, тяжелого, целенаправленного, с тысячелетней исторической традицией борьбы человека с силами природы.

Знакомство с памятниками культуры, отражающими богатое наследие прошлого, — это далеко не заполнение досуга или развлечение — это ценная информация. Памятники древности — наши соседи. Они находятся там, где жил и живет человек. Наверное нигде, как у руин минувших эпох, не чувствуешь, что мир, обобщая опыт, строится на прошлом и настоящем. Он строится ради будущего, ради мира и прогресса на земле. И как важно не только знать, но и сохранить эти добрые традиции. Безгранично творчество человека. Бесконечны дороги истории. Прекрасен поиск.

ЗАРЯ СУРХАНА

. . . Мы опоздали родиться, ибо уже более семи тысяч лет на земле живут и мыслят люди.

ЛАБРЮЙЕР

История этой области начинается в затерянном уголке Байсунтау — пещере Тешикташ. 50 — 40 тысяч лет назад под навесом обширного грота горел костер, вокруг которого располагались обитатели пещеры — неандертальцы. О чем думали они? О холодной ночи и беспокойном завтрашнем дне или о еде, которой никогда не хватало?

Нам сейчас, пожалуй, гораздо легче восстановить картину развития жизни той эпохи, чем неандертальцу предполагать тогда, что в разных уголках Земли подобные им также проводили свой досуг. Когда стоишь у подножья пещеры и пытаешься увидеть ее заселенной

предками человечества, то ничего не получается — уж слишком различны масштабы прошлого и настоящего. Перед взором невольно возникают дикари, убивавшие фауну гор кремниевыми копьями и дубинами, хотя, наверное, сами охотники принадлежали к процветающему поколению далекой эпохи.

Еще трудней представить пещеру, «заселенную» современным человеком — очень уж различна обстановка. «Цивилизованное человечество сейчас чем-то напоминает ребенка, получившего ко дню рождения слишком много игрушек», — эти слова, принадлежащие английскому физику Джорджу Томсону, хорошо раскрывают суть аналогий между прошлым и настоящим. Мы привыкли к мысли, что эти «игрушки» получены благодаря труду человека. Сам факт сложных путей развития цивилизации от далеких времен, когда человек выбирал лишь занятия, позволявшие ему выжить, до нашего века научно-технических бурь, отражен в многочисленных памятниках прошлого. Это ярко иллюстрирует и история сравнительно небольшой области Сурхандарьи на юге Узбекистана.

... Пройдут еще тысячелетия, и на отвесных скалах Кугитанга, в ущелье, которое теперь поэтично называют Зарауткамар или ущелье Золотого Огня, первобытные художники нарисуют красной краской картины охоты на диких быков.

Сцены полны драматизма. Охотники преследуют добычу, забрасывая ее стрелами, или гонят к пропасти. В этих схематичных и нередко условных рисунках нетрудно прочесть победоносное завершение охоты, торжество человека и победу разума.

Другой памятник древности — пещера Мачай — находится в отдаленном горном районе Байсуна, куда и сейчас редко ступает нога человека. 12 — 10 тысяч лет назад здесь по звериным тропам шли охотники эпохи мезолита (среднекаменного века). Но не только горы Кугитанга и Байсуна с причудливыми формами выветривания, напоминающие гигантские каменные храмы, очевидцы далеких событий. Довольно много памятников и в речных долинах.

Примерно три с половиной тысячи лет назад в Сурхандарьинской области появляются оседлоземледельческие поселения, а несколько позже оазисы Сурхана составят северную часть историко-культурной области Бактрия, история которой насыщена важными событиями.

Среди «лучших из областей и стран», созданных Ахурамаздой — великим и мудрым богом зороастрийцев, впервые в письменных источниках — Авесте — религиозно-мифологическом сборнике, упоминается страна Бахди «прекрасная, с высоко поднятыми знаменами». На Востоке она была известна как Бактриш, а у эллинов — Бактриана, Бактрия.

У греческого историка Геродота «бактрыйский народ» фигурирует наряду с названием таких известных народностей и крупных историко-культурных областей Востока, как Вавилон, Египет, против которых намеревался выступить Кир II (558-530 гг. до н. э.) — основатель Ахеменидской державы. «Ведь помехой Киру были Вавилон, бактрыйский народ, саки и египтяне, — пишет отец истории. — Против этих народностей Кир и намеревался лично выступить в поход...»

Но, видимо, самое раннее сообщение о Бактрии содержится в небольшом фрагменте ассирийских документов, опубликованном И. М. Дьяконовым, где некий агент сообщает своему царю: «По поводу лазурита, о котором просил царь, господин мой: «пусть мне принесут лазурита» — царь, господин мой, не знает, что я подымался в горную местность за лазуритом, но когда я унес лазурит, страна восстала против меня. Если изволит царь, господин мой, пусть придут большие воинские силы и заберут лазурит; только я с ними не буду ни есть хлеба, ни пить воды, ни проходить рядом с ними, не буду вставать к твоему гонцу и о благополучии царя, моего господина, не буду спрашивать. Царь, господин мой, не должен считать это за грех...» Исследователи не исключают, что горная страна, где много лазурита, — Бактрия, так как эта область веками считалась на Востоке основным поставщиком ляпис-лазури, что подкрепляется и новейшими археологическими открытиями.

О связях Бактрии и Ассирии сообщает древнегреческий историк Ктесий Книдский, долгое время проживавший при дворе ахеменидского царя Артаксеркса. Интересен его рассказ о легендарном походе ассирийского царя Нина на Бактрию, где сообщается о крупных городах и многочисленности населения Бактрии, о мощной столице страны — Бактры и сокровищах бактрыйского царя Оксиарта. Ктесий писал

о Бактрии как о сильном политическом объединении, которое якобы сложилось задолго до основания Ахеменидского царства (середина VI в. до н.э.).

Устойчивая историческая традиция позволяет допустить, что Бактрия на Востоке была известна уже в начале I тыс. до н.э., когда сильные державы древнего мира — Ассирия и Урарту — в продолжительных и кровопролитных войнах ослабляли друг друга, а соседняя Мидия готовилась к сокрушению этих царств, когда легендарный Вавилон переживал второй расцвет и еще не было Ахеменидского Ирана, который впервые в истории, претендуя на роль мировой державы, сумеет в середине — конце VI в. до н. э. покорить и Мидию, и Вавилон, и Египет, а также Бактрию.

Дата завоевания Бактрии неизвестна. Очевидно, это могло произойти между 539-530 гг. до н.э. В 539 г. до н.э. ахеменидским царем Киром II был взят Вавилон, и если верить Геродоту, то после Вавилона Кир собирался покорить Бактрию, а затем саков и египтян. Известно, что в 530 г. до н.э. Кир II погиб в битве с племенами саков и массагетов на севере Средней Азии.

Бактрия становится одной из сильнейших сатрапий Ахеменидской державы. Далекое не случайно, что на протяжении двухсот лет в Бактрах правили сатрапы из царского рода.

...Весной 329 г. до н.э. по пыльным дорогам Бактрии прошла армия Александра Македонского, сокрушившая Ахеменидское царство, чтобы на его руинах построить вторую в истории, но недолговечную мировую державу, которая распадается сразу же после смерти ее основателя.

Середина III в. до н.э. знаменуется рождением Греко-Бактрийского царства, созданного греческими военачальниками. Историю этого государства отличают заговоры, убийства и войны, когда полководцы свергали царей, сын в борьбе за престол с поразительной жестокостью убивал отца, когда завоевывались соседние области.

При царе Деметрии (начало II в. до н.э.) Греко-Бактрийское царство достигло расцвета, однако II в. до н.э. стал и временем его падения. Как заметил римский историк, «бактрийцы, гонимые по разным войнам, потеряли не только царство, но и свободу».

В I в. н. э. территория Бактрии входит в состав мощной державы древнего мира — империи Великих Кушан. Все это имело богатую предысторию, которую раскрывают археологические памятники.

Бактрия, бактрийцы, Бактры — страна, народ, город. Проблема легендарной области, ее история и культура долгое время волновали воображение исследователей. Еще в прошлом веке специалисты в кабинетах, за тридевять земель от Бактрии, тщательно анализируя скудные сообщения античных авторов, пытались реконструировать исторический облик загадочной страны. Однако гипотезы оставались гипотезами, а бактрийская культура, скрытая пеленой загадочности, словно туман, рассеивалась на далеком горизонте Среднего Востока.

Вначале ученые располагали лишь отрывочными письменными данными, затем греко-бактрийскими и кушанскими монетами или небольшими коллекциями гемм и терракотовых статуэток. В 1877 г. круг этих источников неожиданно пополнился. В захолустном Кобаданском бекстве (Южный Таджикистан) местными жителями случайно был найден клад высокохудожественных драгоценных изделий. «Клад Окса», или «Амударьинский клад», скупленный бухарскими купцами, был продан в Индии английским миссионерам. А вскоре он попал в Британский музей, в Лондон, где была определена его дата — эпоха греко-персидских войн, т.е. V-IV вв. до н.э.

Интерес к Бактрии рос, однако никто из ученых не отважился организовать рискованную экспедицию в края, где европейца, как правило, ждала гибель.

Только в 1922 г. французскому археологу А.Фуше удалось получить разрешение на проведение раскопок в афганском городе Балхе, который скрывал руины столицы загадочного бактрийского царства — Бактры.

Казалось, что наконец ученые получили блестящую возможность изучить памятники древнебактрийской культуры. Однако первые раскопки Бактр принесли А.Фуше разочарование. Вместо долгожданных каменных капителей и баз колонн бактрийских строений, скульптуры и живописи под толщей земли обнажились «серые» находки — руины глинобитных строений с черепками посуды на полах, костями домашних животных, золой и угольками. Не было здесь изделий, подобных золотым предметам Амударьинского клада или сокровищам бактрий-

Вазообразный сосуд из могильника Моллали

ского царя Оксиарта. И маститый ученый поспешил объявить бактрийскую культуру «жалким миражом», который «разом исчезает и рассеивается», хотя ему вначале следовало бы оценить методику проведенных здесь раскопок, которые будут признаны специалистами неверными и незначительными, учитывая огромные масштабы древнего города.

Ученый может сомневаться, но поспешность в выводах не всегда служит залогом успеха. Более четверти века характеристика, данная Бактрии А. Фуше, являлась источником пессимизма в среде многих специалистов, которые, казалось, согласились с мыслью, что леген-

дарная область оставалась на «задворках греко-персидской и индийской цивилизаций». Но новые представления о культуре Бактрии наметились уже в начале 30-х годов нашего столетия благодаря работам М. Е. Массона, проложившего первые тропы к бактрийским памятникам в долине Сурхана. И вот уже другой французский археолог Д. Шлюмберже после повторных раскопок Бактр в 1947 г. и их продолжения в 1956-1957 гг. скажет, что «Бактрия не миф, но только она не исследована».

Такое определение теперь не вызывало сомнений. Приближалось время блестящих открытий и решения многих загадок истории Бактрии. Основную роль в этом сыграла советская археологическая наука.

Известный советский востоковед и археолог М. М. Дьяконов в 1951 г. открывает в долине Кафирнигана поселение Калаи-Мир, датированное им после раскопок серединой I тысячелетия до н.э., т.е. временем вхождения Бактрии в состав Ахеменидской державы.

Более древний материал — керамика, каменные орудия, недорогие украшения — происходили из могильников Бишкентской долины (Южный Таджикистан), открытых в середине 50-х гг. археологом А.М. Мандельштамом. Аруктауский и Тулхарский могильники датировались им в пределах XIII-VIII вв. до н.э. Но эти памятники оставили древние скотоводы. Где же многочисленные укрепленные земледельческие поселения и городища предахеменидского времени, о которых писал Ктесий?

Лишь в 60-х — 70-х гг. удалось, наконец, открыть древнеземледельческие памятники, которые были свидетелями становления Бактрии как обширной географической области, так и затем, видимо, крупного политического объединения.

В 1963 г. археолог Л.И.Альбаум открывает в предгорьях Кугитанга Сурхандарьинской области небольшой холм Кучуктепа, которому не менее трех тысяч лет. Наверняка Кучуктепа — одно из древнебактрийских поселений, население которых начинало историю области. Но уже в 1968 г. В. А. Козловский и Л. И. Альбаум находят Сапалитепа — поселение эпохи бронзы, предварительно датированное серединой II тыс. до н.э. Затем Советско-афганская экспедиция выявляет целую группу аналогичных поселений в Северном Афганистане. И снова заговорили о Сурхандарьинской области, теперь в предгорьях Бай-

сунтау замечательные открытия делает Узбекистанская искусствоведческая экспедиция под руководством Г.А.Пугаченковой.

Поиск продолжается. И, наконец, Бактрия предстала перед взором удивленных исследователей в образе многочисленных памятников середины II — середины I тысячелетия до н. э. Согласно археологической классификации, это время охватывает позднебронзовый и раннежелезный век. На протяжении столетий караваны обходили стороной унылые развалины бактрийских поселений. Стаи трусливых шакалов устраивали среди руин ночные пиршества. Когда руины глинобитных домов превратились в холмы и задерновались травой, здесь не раз отдыхали редкие путники да пастухи округи пасли скот. Они часто находили на холмах странные черепки, фрагменты металлических изделий, полированные каменные орудия и бусины. Эти находки никого не интересовали, разве что давали повод интригующим мыслям о несметных сокровищах, спрятанных в тайниках холмов, которые охранял огнедышащий дракон...

Вспомним Авесту и историческую традицию античных источников о крупной и процветающей области с многочисленными укрепленными поселениями. Вспомним исследователей, которые решали запутанную и сложную проблему: Бактрия — миф или действительность? И вот начались раскопки...

Когда отряд Института археологии Академии наук УзССР под руководством А. А. Аскарлова приступал к изучению Сапаллитепа, мало кто предполагал, что серый оплывший холм, обильно усеянный фрагментами керамики, таит руины уникального древнеземледельческого поселения. Но пройдет несколько полевых сезонов, и археологи с гордостью будут показывать приезжим плоды кропотливого и целенаправленного поиска.

Сапалли расположено на берегу одного из саев, берущего начало в предгорьях Кугитанга. Поселение датировано 1700-1500 гг. до н.э.

... Археологи идут по тесным улочкам, мимо руин сырцовых зданий. Строительство на поселении подчинялось общему плану и не нарушало его. Жилые дома состоят из многокомнатных помещений. Комнаты благоустроены. Здесь обнаружены суфы-лежанки, на которых отдыхали и проводили редкие пиршества обитатели Сапалли, ниши в стенах, где хозяйки домов хранили недорогие предметы быта и

выставляли напоказ набор отличной гончарной посуды — чаши, кубки, вазы и миски. В нишах мерцали и светильники, а очаг с внутривыступным дымоходом обогревал помещение холодными зимними ночами.

Сапаллинцы жили в трудные и беспокойные времена. Опасаясь набегов коварных соседей, они укрепили поселение трехрядной оборонительной стеной. Жизнь в эпоху бронзы была полна забот, тревог и страха. Человек зависел от природы, боялся ее стихий, но и боролся с ними. Главное занятие людей — ежедневный тяжелый труд. Природа награждала лишь за усердие труда. Без забот, вероятно, начинала утро лишь детвора.

Уже на рассвете пастухи выгоняли из загона скот на пастбища, а земледельцы спешили на поля. Вместе с ними шли охотники, чтобы подкараулить на тропе к воде оленя или дикого кабана, а рыболовы, как всегда, надеялись на удачный клев. Чернобородый гончар месил глину, а его ученики разжигали огонь в печах. Рядом плавил руду и готовили формы для металлических изделий. Ювелиры полировали бусы и трудились над бронзовыми браслетами или кольцами, которые пользовались огромной популярностью у местных женщин. Женщины вязали циновки, мололи зерно, готовили пищу и воспитывали детей.

Основой жизни сапаллинцев было орошаемое земледелие. Именно оседлость и земледелие во многом определили становление древнебактрийских поселений, а общественно-политическая ситуация — их планировочно-фортификационные особенности.

Сапалли представляло небольшое родовое поселение, состоящее из нескольких крупных общинных домов. Люди трудились сообща, важные дела и споры решались на Совете. Однако в руках отдельных общинников начинают скапливаться богатства, принадлежащие по праву всему роду. Об этом свидетельствуют амулеты-печати, богатые погребения родовой верхушки. Так начинала историю социальная дифференциация — разделение общества на бедных и богатых.

Раскопки Сапалли начались в 1969 г. За несколько полевых сезонов вскрыты жилые дома, расчищены улицы древнего селения и изучена система фортификации. Раскопки ярко иллюстрируют жизнь ранних земледельцев юга Узбекистана. На поселении открыты погребения, устроенные под полом помещений. Рядом со скелетами находились сосуды, недорогие украшения и предметы из бронзы. Интересно, что

в могилах были обнаружены сосуды с остатками пищи. Изучение их позволило археологам познакомиться с блюдами эпохи бронзы, в состав которых входили пшеничная и мучная каши, каши из проса, жидкая похлебка и мясной бульон.

На раскопках обнаружено большое количество керамики, крупных горшков, изящных ваз на устойчивой ножке, тонкостенных чаш и кубков, а также изделия из терракоты и камня, металлические сосуды, орудия труда и предметы быта, изготовленные из дерева и кости. Земледельцы Сапалли широко использовали и каменные орудия — зернотерки, песты, ступки, ножевидные пластины, а также землекопные орудия из кости. На поселении найдены зерна пшеницы, ячменя и проса. Наряду с земледелием немаловажную роль играло и скотоводство: разводили как крупный, так и мелкий рогатый скот. Быки и верблюды, возможно, использовались при перевозке грузов. Важное место в жизни сапаллинцев занимала охота на бухарского оленя, кабана и джейрана, лисицу и барсука. Кости этих особей довольно часто встречались при раскопках. И, что особенно интересно, обнаружены также костные останки курицы и гуся. Таким образом, наряду с раз-

Бандыхантепа I

вити́ем архитектуры, ремесла и производящей экономики, интенсивно развивались промысловые виды хозяйства.

В 1969 г. сотрудники Узбекис­танской искусствоведческой экспедиции раскопали несколько погребений могильника эпохи бронзы Муллали, расположенного в Шурчинском районе недалеко от селения Миршаде. В могилах, устроенных в грунтовых ямах, были найдены гончарные сосуды — вазы, чаши, горшки, а также бронзовые изделия и украшения. Сопроводительный инвентарь погребений Муллали во многом похож на вещественные находки поселения Сапалли.

Раскопки могильника Муллали положили начало открытию в районе Миршаде еще нескольких поселений эпохи бронзы — Муллалитепа, Кызылджар и Буйрачитепа 1. Они группируются в небольшой подгорной долине, образованной системой горных саев. Освоение оазиса — итог дальнейшего расселения древнебак­трийских земледельцев в долине Сурхана. Раскопки поселений начаты здесь сравнительно недавно, но уже получен богатый археологический материал, датирующийся XIII-X вв. до н.э.

В долине Сурхана обнаружены еще несколько поселений второй половины II тыс. до н.э. Памятники концентрируются в четырех ирригационных районах в предгорьях Кугитанга и Байсуна. Площадь каждого древнего оазиса не превышает нескольких квадратных километров. В эпоху бронзы земледельцы освоили лишь небольшую часть Сурхандарьинской области, поэтому между культурными оазисами, как правило, располагались обширные неосвоенные территории, занятые зарослями тугая, болотами, песками и безжизненными холмами предгорий.

Однако нигде больше в Узбекистане пока не удалось обнаружить столь ранних оседлых поселений с развитыми глинобитными строениями и системой фортификации. Юг нашей республики исторически располагался у границ древних цивилизаций юга Туркменистана, поэтому постепенно здесь формируются первые очаги земледельческой культуры, распространившейся затем и на другие области Узбекистана — Хорезм, Бухарский оазис, долину Кашкадарьи и Фергану.

К концу II — началу I тыс. до н.э. складывается обширная территория, заселенная родственными племенами, которая несколько поз-

же получит название Бактрия. Это долины Северного Афганистана, Бадахшана, Вахша, Кафирнигана и Сурхана. Границами Бактрии служили горные системы: на севере Гиссар, на юге Гиндукуш, на западе отроги Кугитанга и на востоке — предгорья Памира.

Горы дают начало небольшим и крупным рекам, которые, питаясь за счет таяния ледников и снега, образуют плодородные оазисы, удобные для ведения земледельческого хозяйства. Вахш, Кафирниган и Сурхан несли мутные воды в Окс — Амударью — главную реку Бактрии, которая делила область на две географические части — северную и южную.

На берегах рек сейчас видны оплывшие холмы Бактрии — остатки былых густонаселенных поселений и земледельческих усадеб. Скрыты от глаз улицы и площади, жилые и ремесленные кварталы. Не слышен шум базара и звон колокольчиков каравана, идущего в дальние края. Здесь больше не живут гончары и строители, оружейники и искусные ювелиры. И кажется, далекая эпоха оставила на этой древней земле лишь холмы, над которыми часто кружат степные стервятники. Лишь скорбные холмы... Но это только кажется от нашего неведения.

Еще сравнительно недавно мало кто предполагал, что в долине Сурхана будут открыты древнейшие в Узбекистане земледельческие поселения. Десятилетний отрезок 70-х гг. нашего столетия стал свидетелем уникальных открытий, которые наука ждала очень долго. Работы советских археологов привлекли внимание и зарубежных исследователей. И вот уже мало известные ранее названия Сапалли, Муллали и другие фигурируют в различных изданиях, а археологические коллекции, полученные на землях древнего Сурхана, пополнили витрины музеев. Сколько неожиданного и интересного таит еще этот богатый край!

КОГДА МОЛЧАТ ПРЕДАНИЯ

Природа Бактрии богата и разнообразна..., многочисленные деревья и виноградные лозы дают в изобилии сочные плоды..., там сеют хлеб, остальную землю оставляют под пастбища.

Квинт Курций РУФ

Приблизительно в X-VIII вв. до н.э. в Бактрии произошли не совсем еще ясные для археологов события. Вместо крупных поселений эпохи бронзы появляются небольшие поселения площадью 1-2 га. Изменения отмечаются в гончарном производстве, на смену высококачественным керамическим изделиям приходит грубая лепная посуда с расписным геометрическим орнаментом.

Исследователи связывают эти события с крупными этническими передвижениями. Одни специалисты видят вторжение в земледельческие оазисы кочевых скотоводческих племен из северных степных

районов Средней Азии, другие — передвижение племен из более южных областей.

Известный советский археолог М. Е. Массон после раскопок памятников этого времени, расположенных в долине Мургаба, писал, что сама эпоха характеризуется дальнейшим развитием местной земледельческой культуры. Раскопки убедительно характеризовали новые явления в жизни южнотуркменистанских племен.

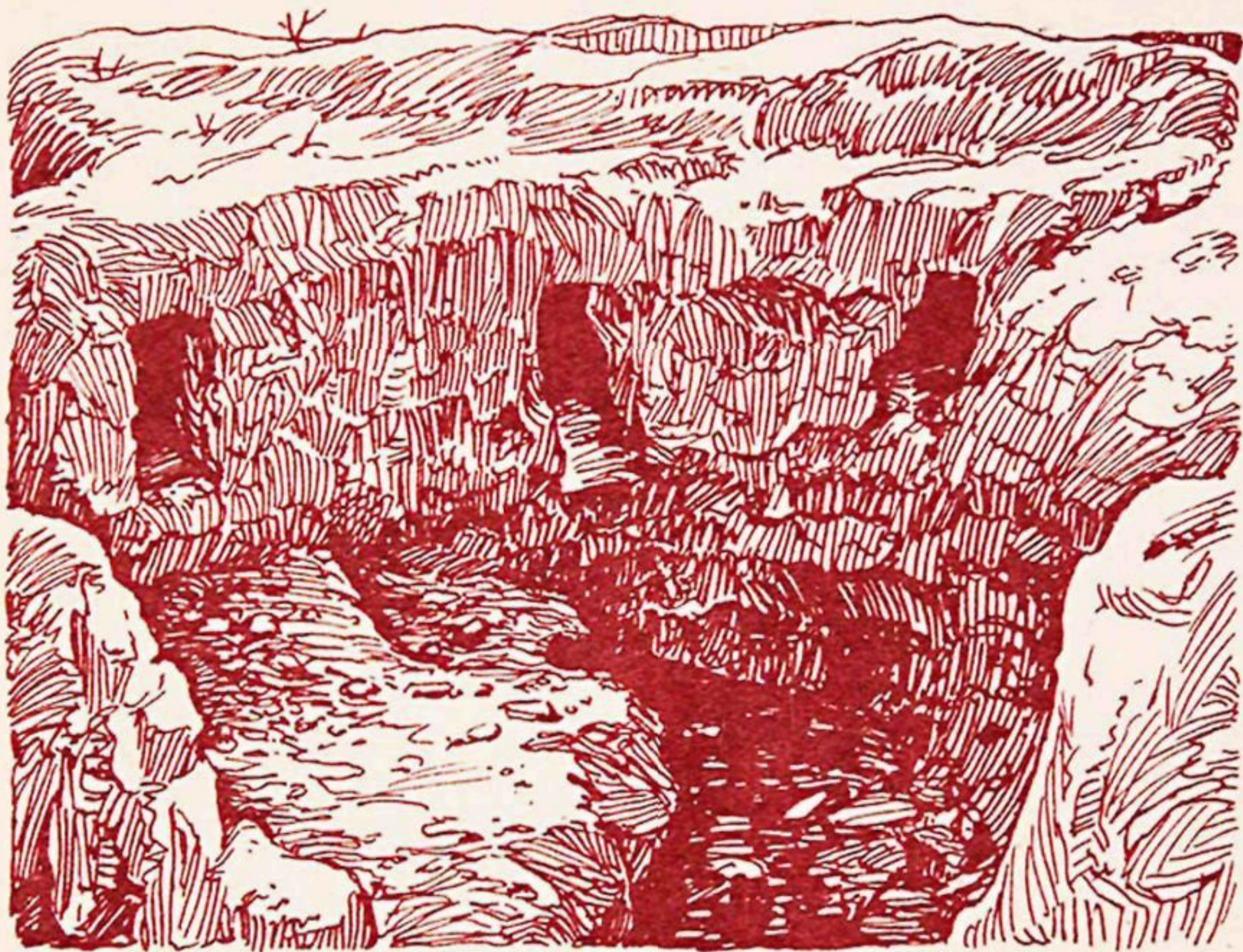
Вскоре аналогичные поселения были открыты и в Бактрии. О чем рассказывают они? Упадок или расцвет культуры?

Еще совсем недавно о небольшом селении Бандыхан, затерянном в степи Кызырыкдара у первой гряды Байсунского хребта, было известно немного. Авторы, впервые посетившие эти места, застали здесь потрескавшуюся от зноя землю с редкой пустынной растительностью и пересохшими источниками. Вода в Бандыхане была редкостью, а летом и осенью — только привозной. Это во многом и определило главное занятие бандыханцев — животноводство.

Многих специалистов заинтересовало сообщение археолога Э. В. Ртвеладзе о памятниках, открытых в округе Бандыхана. Оказалось, что самые древние здешние поселения были основаны еще три тысячи лет назад... земледельцами. В степи зеленели сады и поля, шумели многолюдные селения.

Осенью 1973 г. авторы в составе Узбекистанской искусствоведческой экспедиции начали предварительные раскопки памятников оазиса. Древнейшим из поселений является Бандыхантепа 1. Даже при визуальном обследовании тепа здесь нами было обнаружено большое количество фрагментов лепной, а том числе и расписной керамики, а также около десятка орудий труда, связанных с обработкой сельскохозяйственных продуктов — зернотерки, песты, ступки, дробилки. Но самое интересное событие сезона — открытие одного из древнейших в Узбекистане ирригационных сооружений — крупного магистрального канала шириной в 16 м, русло которого прослеживается в длину до нескольких километров. Теперь мы не сомневались — народы, жившие здесь в древности, были земледельческими. Поселение Бандыхан находилось на берегу глубокого полноводного канала. Вода по небольшим арыкам расходилась на поля и в сады.

...Идем по сухому руслу канала, которое приводит нас к боковому протоку горной реки Кофрунсай, откуда и начинался в древности канал. Под лучами осеннего, но еще знойного солнца местность выглядела бесцветной и унылой, а наши мысли о том, что эта земля когда-то орошалась и давала обильный урожай, не уступали богатой фантазии. Но факты оказались сильнее.

Бандыхантепа II. Башня VII-VI вв. до н.э.

Раскопки должны были дать науке сведения из истории материальной культуры народностей, оставивших здесь памятники эпохи поздней бронзы, раннего железа и кушанского периода, а также средневековья.

Раскопки на Бандыхантепа I выявили несколько строительных периодов, которые приходятся на XI-VIII века до н.э., т.е. на «кризисную эпоху». Однако раскопки не обнаружили никаких следов упадка, а на-

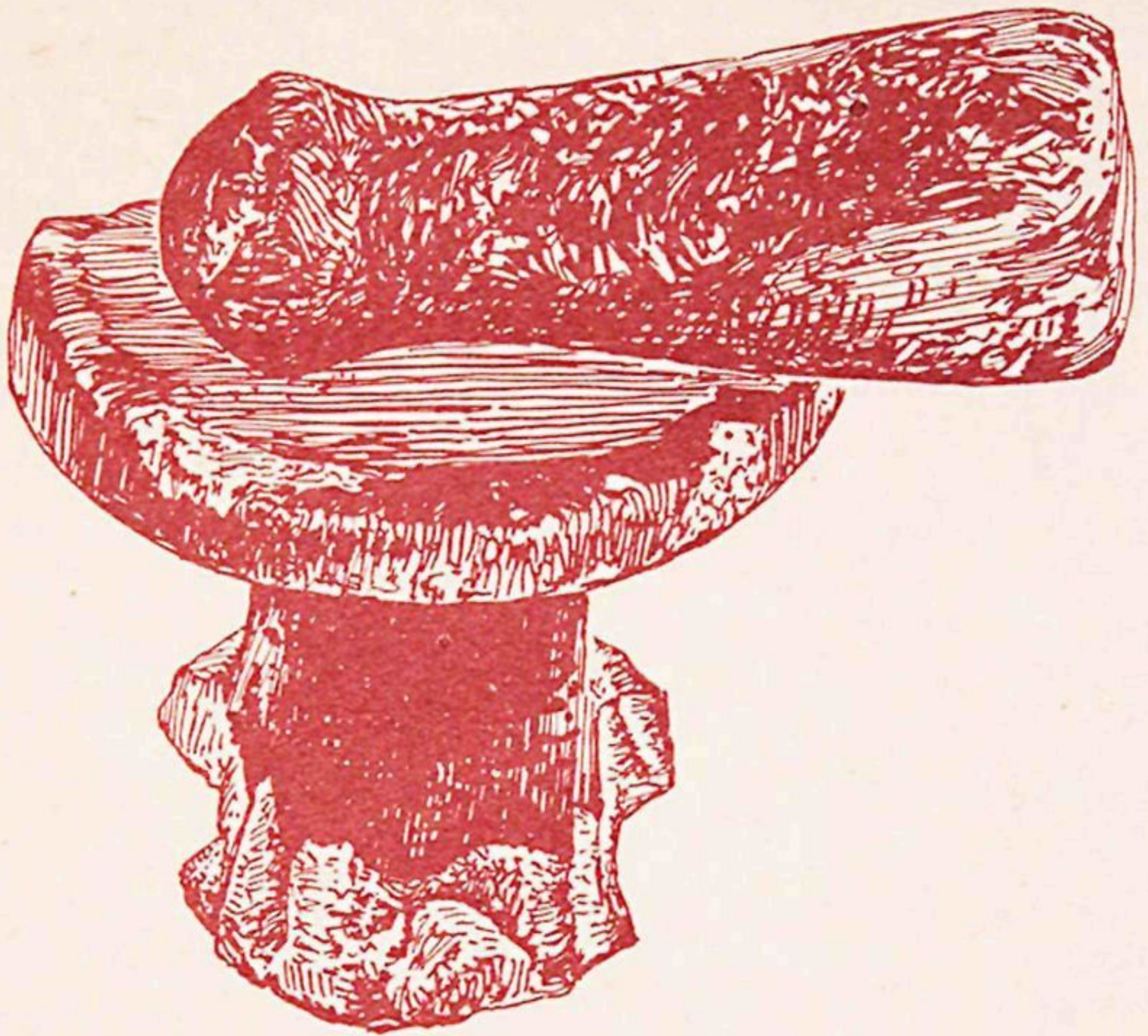
оборот, свидетельствуют о дальнейшем развитии местной культуры.

Как уже говорилось, в эпоху становления земледельческой культуры в Северной Бактрии орошение базировалось на саях и крупных ирригационных сооружениях еще не было. Магистральный канал в Бандыханском оазисе, несомненно, позволял орошать большие площади, нежели в предшествующий период. Следы крупного ирригационного канала — яркое свидетельство дальнейшего развития земледельческой культуры независимо от каких-либо этнических изменений в Бактрии. Интенсивно развивались архитектура и ремесла.

Строительство велось из сырцового кирпича прямоугольного и квадратного формата. Массивные стены домов шириной до метра, как правило, обмазаны глиняной штукатуркой. На полу жилых комнат Бандыхантепе 1 обнаружены остатки камышовых циновок. В хозяйственных помещениях очень много фрагментов лепной посуды типа хумов и горшков, которые употреблялись для хранения зерна. Своеобразны каменные орудия, связанные с земледелием. Интересен комплекс расписной лепной керамики — эта парадная столовая посуда, крупные расписные крышки, котлы, жаровни и небольшие сосудики, возможно, ритуального назначения. Роспись коричневого, реже красного цвета наносилась в верхней части сосудов: вариации треугольников, ромбов и квадратов, иногда просто мазки, линии или пятна краски. Аналогичная керамика известна по раскопкам памятников начала I тыс до н.э. в Южной Туркмении, Северном Афганистане и Ферганской долине.

На Бандыхантепа 1 обнаружены и фрагменты сосудов, изготовленных на гончарном круге. Здесь также найдены каменные и керамические пряслица, поделки из камня, фрагменты металлических изделий. Очень много костей домашних животных, что свидетельствует о большой роли придомного скотоводства. В составе стада преобладал мелкий рогатый скот. Наряду с земледелием и скотоводством развивались промысловые виды хозяйства и прежде всего охота.

Сейчас археологической науке известны еще несколько бактрийских поселений начала I тыс. до н.э. Раскопки В.И.Сарианди на Тиллятепа в Северном Афганистане (Южная Бактрия) выявили остатки крупного архитектурного комплекса, который был возведен на мощной сырцовой платформе.

Культовые предметы из поселения Бандыхантепа

Интересно поселение Кучуктепа в Уланбулакском оазисе долины Сурхандарьи. Памятник в основе, как и Тиллятепа, имеет сырцовую платформу. Возведение крупных зданий на мощной сырцовой платформе становится характерным приемом в архитектуре юга Средней Азии начала I тыс. до н. э. Это также зафиксировано археологами при раскопках Язтепа в Южной Туркмении и на Бандыхантепа 1. Сырцовые платформы подчеркивали не только фортификационную роль. Именно на это время как будто приходится формирование и ранних государственных объединений Средней Азии.

Памятники X-VIII вв. до н. э. обнаружены сотрудниками искусствоведческой экспедиции и в Миршадинском оазисе. Это Кызылтепа,

Буйрачитепа 2, Безымянное тепа. Поселения расположены по берегам саев. Местами хорошо прослеживаются следы ирригационных сооружений — каналов и арыков, что свидетельствует о дальнейшем развитии земледельческого хозяйства. Строительство, как и прежде, велось из сырцового кирпича и пахсы. Каждый дом имел несколько жилых и хозяйственных помещений. При раскопках поселений археологи находят большое число орудий труда и фрагментов лепной посуды — это горшки и чайники с ручками и круглыми сливами, закопченные котлы и полусферические чаши.

Очень интересна находка в Миршаде небольшой скульптурной головы мужчины. Она изготовлена из красновато-бурого камня и, несмотря на небольшие размеры, очень тяжелая. Это объясняется тем, что в породе много железа, а возраст самой породы определяется геологами в 50-60 млн. лет. Видимо, мастеров привлек красный цвет камня. Их также устраивала твердость породы, которая после шлифовки становилась яркой и гладкой.

Стилистически Миршадинская скульптура прямых аналогий в Средней Азии не имеет. По мнению Г. А. Пугаченковой, находка передает этнический тип, видимо, характерный для населения Северной Бактрии и изображает божество. Наряду с каменной головкой были обнаружены четыре полированных биконических подставки-ступки и пестик, которые использовались для растирания краски. Они изготовлены из черного базальта.

При раскопках поселений также найдены каменные серпы и ножи. Материалом для них служили твердые туфопесчаные породы с добавлением в составе кварца и вулканического стекла. Все изделия имеют острые лезвия и, видимо, использовались в земледельческом хозяйстве.

Загадкой археологии начала и середины I тыс. до н.э. является полное отсутствие в земледельческих оазисах погребений — крупных некрополей или отдельных могильников, которые в предшествующий период — эпоху бронзы — располагались на территории поселения или за его пределами. Пока археологам не удалось обнаружить захоронения в оседлоземледельческих оазисах юга Средней Азии. С чем связано это явление?

Скорее всего, со сложными культовыми обрядами и изменениями идеологических представлений населения древних оазисов. Возможно, с началом истории идеологии раннего зороастризма.

По мнению исследователей, зороастризм возник в Средней Азии в начале I тыс. до н.э. и был распространен здесь вплоть до ислама. Возможной родиной зороастризма считается и Бактрия. Однако археологи не располагают вещественными источниками, которые могли бы рассказать о судьбах раннего зороастризма и развитии культовых обрядов этой религии.

Тем не менее можно допустить, что поклонение земле, воде, огню, почитание плодородия у земледельцев становится все более традиционным, это в конечном счете могло дать толчок развитию зороастризма — сложного религиозного мировоззрения, которое отражало духовный, политический и социально-экономический мир далекой эпохи.

Зороастризм пропагандировал дуализм, борьбу противоположностей, которая начиналась с битвы богов. Великий Ахурамазда, «обладающий знанием и добродетелью», бог света и добра, «пребывал

Миршаде. Керамика X-VIII вв. до н.э. Безымянное тепа

наверху». Ахриман, «объятый страстью к разрушению», бог тьмы и зла, «был глубоко внизу, во тьме». Их борьба длилась тысячелетиями. Ахурамазда творил добро и создал небо, воду, землю, растения, светила, солнце и луну. В противовес ему, Ахриман создал демонов тьмы, губителей света и добра. Но Ахурамазда был не одинок в борьбе, ему помогали отдельные божества, такие как Митра — бог солнца, «дарующий тучность и стада, власть и сыновей», выступавший хранителем закона и порядка, или Анахита — богиня земли, воды, плодородия и любви.

После окончательной победы Ахурамазды над Ахриманом, заканчивающейся гибелью последнего и всех демонов, олицетворяющих зло и тьму, наступало время, когда «мир на веки веков становится бессмертным».

В пору, когда общество разделилось на классы и установилось социальное неравенство, философия зороастризма становится на сторону эксплуататоров. Сфера религиозных верований послужит надежным щитом имущего сословия, охраняя его благополучие. Господствующий класс назовет себя посланником Ахурамазды. Он будет проповедовать: не сотвори зло — и убивать ради наживы, не согреши — и унижать человека, твори добро — и творить зло. Вместе с тем в религиозных представлениях людей, в мифах и легендах отразятся первые протесты против несправедливости и горя. В целом, когда в основе тех или иных религий прослеживается борьба добрых и злых божеств, надо полагать, что сама борьба проявилась вначале среди людей и была перенесена затем в их верования.

Идея вечной борьбы добра и зла далеко не нова. Она отразилась в верованиях древневосточных цивилизаций Шумера, Египта, Вавилона и в более поздних религиозных мировоззрениях. Однако сам зороастризм радикально отличается от известных религий.

Изучение древних верований затрудняется и скудостью письменных источников. Древнейшим источником по истории народов Средней Азии, как уже говорилось, является Авеста. По мнению некоторых исследователей, наиболее ранние части Авесты датируются началом и серединой I тыс. до н.э. Видимо, эти даты аргументируются и тем, что в Авесте содержатся данные об основателе новой религии — Зороастре. Однако в первой половине I тыс. до н.э. в Средней Азии

не было разработанной письменной традиции, и все сведения мы вынуждены черпать из поздних редакций Авесты, которые не всегда достоверны и во многом относительны.

Авеста сложилась не за два-три столетия. Она отражает культовые и мифологические представления ряда поколений. Авеста могла включить в свои разделы более ранний эпос. Не исключено, что обитатели древних оазисов юга Средней Азии первой половины I тыс. до н.э. были современниками ранних авестийских гимнов, и их мировоззрение, возможно, расширило части священной книги. Однако эти рассуждения вплоть до получения новых археологических данных остаются не более чем гипотезой.

Авеста содержит не только данные о зороастризме, но, что особенно важно, — сведения об общественном устройстве и административном делении народностей Средней Азии. В источнике упоминаются земледельцы и, видимо, скотоводы — «владельцы многочисленных стад», жрецы, воины и в одном случае — ремесленник.

Ряд исследователей считает, что период VII-VI вв. до н.э. вплоть до присоединения к ахеменидскому Ирану Бактрии мог быть временем сложения в древней области крупного государственного объединения, о котором писал Ктесий Книдский. Археологи все больше

Ступки из черного базальта для растирания краски.
X-VIII вв. до н.э.

склонны видеть в сообщении античного историка вполне достоверные факты. Этому не противоречат и новейшие археологические открытия.

В то далекое время, как показывает археология, продолжается освоение новых земель, увеличивается число поселений, усложняется система ирригации. Быстрый рост производительных сил, подъем экономики и культуры, интенсивное расслоение общества, внешние и внутренние политические факторы подготовили почву для новых исторических явлений — формирования крупных поселений типа «зарождающихся» городов, небольших земледельческих усадеб и отдельных крепостей.

Уже отдельные типы поселений с разработанной планировкой и фортификацией позволяют предполагать наличие сложной социально-экономической структуры общества. Так, северобактрийское поселение Кызылтепа состояло в VIII-VI вв. до н.э. из монументальной цитадели, укрепленной жилой части и прилегающей к ней неукрепленной зоны поселения. Вокруг Кызылтепа концентрировались земледельческие усадьбы, многие из которых были обнесены оборонительными стенами. Достаточно четко проявляется выделение в оазисе сельскохозяйственной округи. Формируются густонаселенные ирригационные районы, которые могли послужить низовой ячейкой более крупных территориальных объединений с центральными укрепленными поселениями. Последние служили местом сосредоточения хозяйственной и политической жизни земледельческих оазисов.

Памятники типа Кызылтепа можно считать прадедами среднеазиатских городов. Кызылтепа был предан забвению 25 веков назад и более не обживался. О городище не сохранилось и легенд, ибо местное население пришлое и заново освоило оазис сравнительно недавно.

Первыми «открыли» городище вязальщики циновок — буйрачи. Они облюбовали холмы пригорода и поселились у древних развалин. В местных саях очень много камыша, который дает хранителям секретов кустарного ремесла материал для циновок. В свободное время они пасли на холмах Кызылтепа овец и разводили бахчевые культуры.

... Осенью 1971 г. археологи З.Хакимов, А.Трофимов и один из авторов нашего рассказа начали раскопки памятника. Население ок-

Каменные серпы X-V вв. до н.э.

рестных селений, в общем, не привыкшее к раскопкам, в этом сезоне было не раз удивлено, особенно наши соседи — буйрачи. После шурфовки окрестностей Кызылтепа выяснилось, что их дома стоят на развалинах поселения, которому не менее трех тысяч лет...

Сейчас изучается цитадель и жилая часть Кызылтепа. Открыта мощная оборонительная стена поселения с башнями и бойницами для обстрела из лука. Раскопаны отдельные дома и помещения, построенные из сырцового кирпича, достигающего в длину полуметра. Из нескольких рядов такого кирпича воздвигнуты надежные и прочные стены, которые можно было бы разрушить разве что из специальных метательных орудий, наверно тогда еще неизвестных в Средней Азии. При раскопках обнаружено большое количество каменных орудий, связанных с обработкой сельскохозяйственных продуктов, гончарной посуды, выполнявшей различные функции, а также бусы, застежки из слоновой кости и круглые глиняные или каменные ядра для метания из пращи.

Комплекс археологических источников позволяет предполагать, что в VIII-VI вв. до н.э. Бактрия уже состояла из нескольких историко-культурных областей, близких в экологии и географии, способе производства и экономике, культуре и идеологии. Такие области могут быть выделены в долинах Сурхана, Кафирнигана и Вахша, Бадахшана, Балхаба и Мургаба. Отдельные ирригационно--земледельческие районы, видимо, объединялись вокруг крупных столичных поселений с цитаделями типа Кызылтепа, где жили правители областей. Население этих областей, говорившее, видимо, на одном языке или близких диалектах, чтившее единые божества и культы, строго соблюдавшее столетние обычаи и культурные традиции, должно быть, состояло в союзе. В минуту внешней опасности — угрозы нападения — забывались общие споры, обиды, зависть. Соседи выступали в едином строю. Временные объединения могли произойти под эгидой одного правителя — талантливого военачальника. Такой союз был непрочным, но его существование возможно. Аналогичные события в форме преданий могли отразиться в трудах Ктесия Книдского, древнебактрийская версия которого продолжает оставаться предметом научных дискуссий.

Время безжалостно уничтожило памятники Бактрии и скрыло в земле следы древних культур. Но сегодня мы видим прошлое не сквозь призму фантазии и догадок. «Археология произвела переворот в исторической науке, — писал известный английский ученый Г. Чайлд. — Она расширила пространственный горизонт истории почти в той же степени, в какой телескоп расширил поле зрения астрономии. Она в сотни раз увеличила для истории перспективу в прошлое, точно так же, как микроскоп открыл для биологии, что за внешним обликом больших организмов скрывается жизнь мельчайших клеток...»

Свыше двух с половиной тысячелетий назад путешественник издалека увидел бы силуэт крупного бактрийского населенного пункта — мощный комплекс цитадели, которая значительно возвышалась над другими строениями — сырцовыми зданиями, хозяйственными постройками, шалашами и навесами. Зелени было мало, улицы узкие и пыльные, но зато его поразила бы система фортификации. Бактрийцы уделяли обороне поселений особое внимание. Путь к воротам преграждал широкий и глубокий ров, со стен мрачно смотрели прямоугольные или стрельчатые щели бойниц, откуда в любую минуту могло

вылететь камышовое древко стрелы с острым бронзовым наконечником.

На берегу живописных саев виселись усадьбы земледельцев. Кругом арыки, сады и поля. Пыльные проселки вели в соседние оазисы.

Памятники середины I тысячелетия до н.э. открыты как в северной, так и в южной частях Бактрии. Интересны руины крепости Талашкантепа и земледельческого поселения Кучуктепа в долине Сурхана. Поражают величием городища Алтындилляр и Бактры в Северном Афганистане. Только в долине Сурхана археологи обнаружили около трех десятков поселений того времени. А ведь совсем недавно на всей территории Узбекистана было известно всего несколько аналогичных поселений.

Как жили люди две с половиной тысячи лет назад? Об этом рассказывают материалы полностью раскопанной древнебактрийской усадьбы Кызылчатепе 6, что в округе Кызылтепа.

Усадьба была укреплена сырцовой стеной толщиной три метра. По ее периметру располагались хозяйственные и жилые помещения. Комплекс включал четыре жилые секции, кухню, столовую, производственную мастерскую и два хранилища.

Усадьба принадлежала большесемейной общине, которая, если судить по числу жилых секций, состояла из четырех малых семей. В целом же коллектив, видимо, насчитывал не более 25 человек (из расчета максимального состава малой семьи в 6 человек).

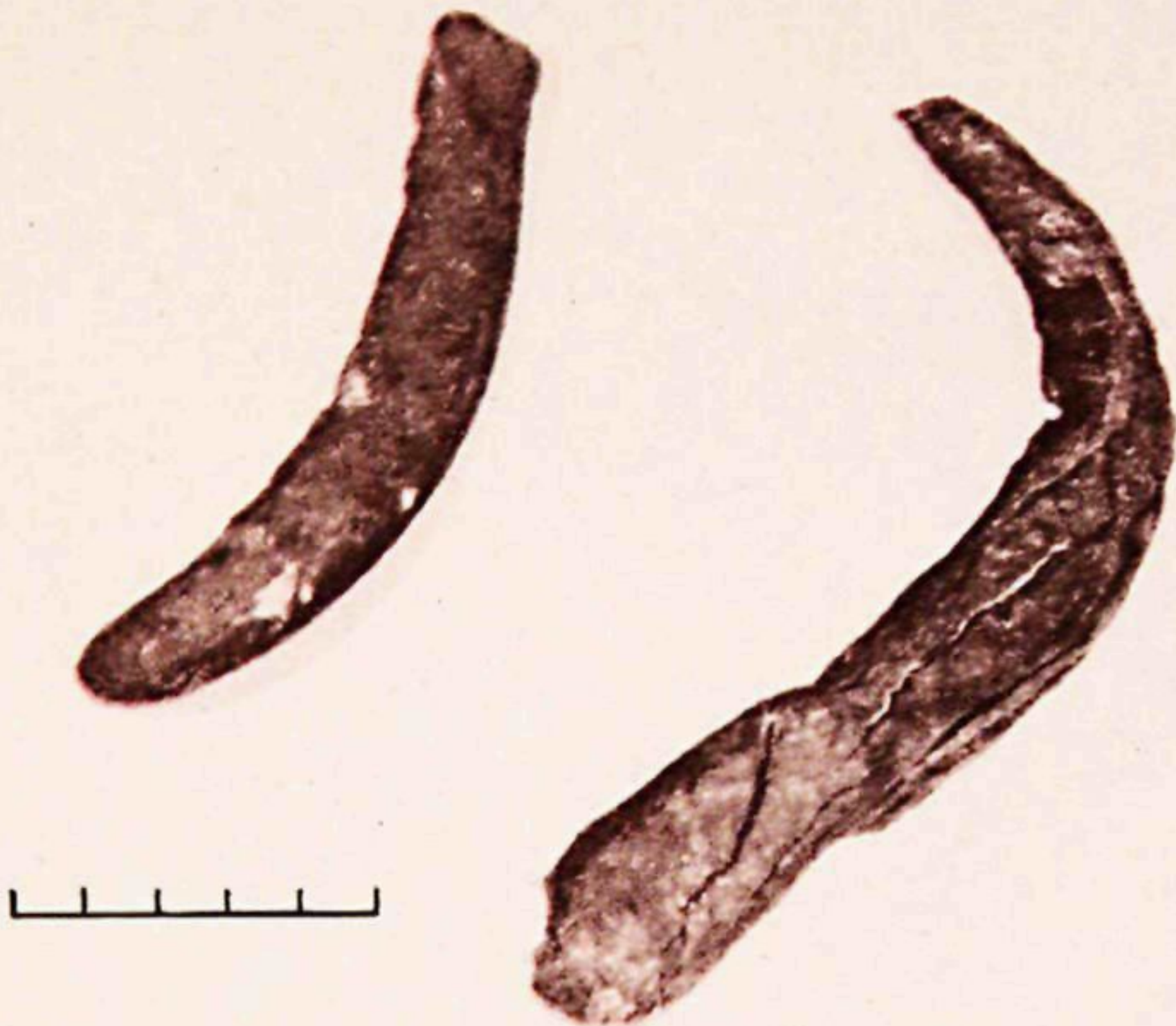
Жилые комнаты выглядели просто — сырцовые стены, оштукатуренные глиняной обмазкой с песком и саманом, утопанный глиняный пол с камышовыми циновками и козьими шкурами, суфы-лежанки вдоль стен и отопительный очаг — сандал — с углями в центре комнат. Кухня имела несколько пристенных очагов, рядом с ней располагалась общая трапезная. В специальных складских помещениях стояли крупные хумы для хранения сельскохозяйственных продуктов. Главная функция обитателей усадьбы была направлена на производство и обработку последних.

Дни были похожи друг на друга. Знойное солнце лета и мороз южной зимы. Дым очага и пыльные бури. Дни, наверное, не считали, и когда считать-то: никто не сидел сложа руки. Не успели земледельцы взрыхлить почву и посадить семена, как наступало время полива.

Кызылтепа. Изображение змеи на фрагменте посуды. VIII-VII вв. до н.э.

А затем подготовка к уборке урожая — точили каменные и металлические серпы, готовили зернотерки, ступки, песты и ножи. Хватит ли орудий, ведь уже в прошлом сезоне многие из них изнашивались или пришли в негодность? И в небольшой производственной мастерской до позднего вечера шла работа. Орудие изготовить непросто. Не из всякой породы получится хороший каменный серп с острым режущим краем или ступка, которая не должна разбиться от бесчисленных ударов тяжелого песта. Горели костры в кухонных очагах, кипела в котлах похлебка, докрасна накалялись тандыры для испечения хлеба — женщинам нелегко было накормить большой семейный коллектив.

Бронзовый и железный серпы VII-IV вв. до н.э.

Люди работали на полях и пасли скот, ремонтировали старые постройки и возводили новые, лепили глиняную посуду и собирали камыш для циновок, шли в горы за целебными травами и камнем для орудий труда, охотились, ловили рыбу, редко отдыхали, трудились — только так можно было выжить.

И нередко, когда наступала пора подводить итоги повседневного тяжелого труда, появлялись недруги, не одни, а объединенные в стаи коварных и жадных убийц. Свистели стрелы, горели дома, смерть никого не щадила.

Сейчас, при раскопках, об этом говорят мощные следы пожара — зола, угольки сгоревшего и рухнувшего деревянного перекрытия, раскаленный огнем сырец и разрушенные стены. Горела вся округа.

Трагедия оставит печальные следы, но пройдет быстро. Оставшиеся в живых восстанавливали дома и ирригацию. Снова шли на по-

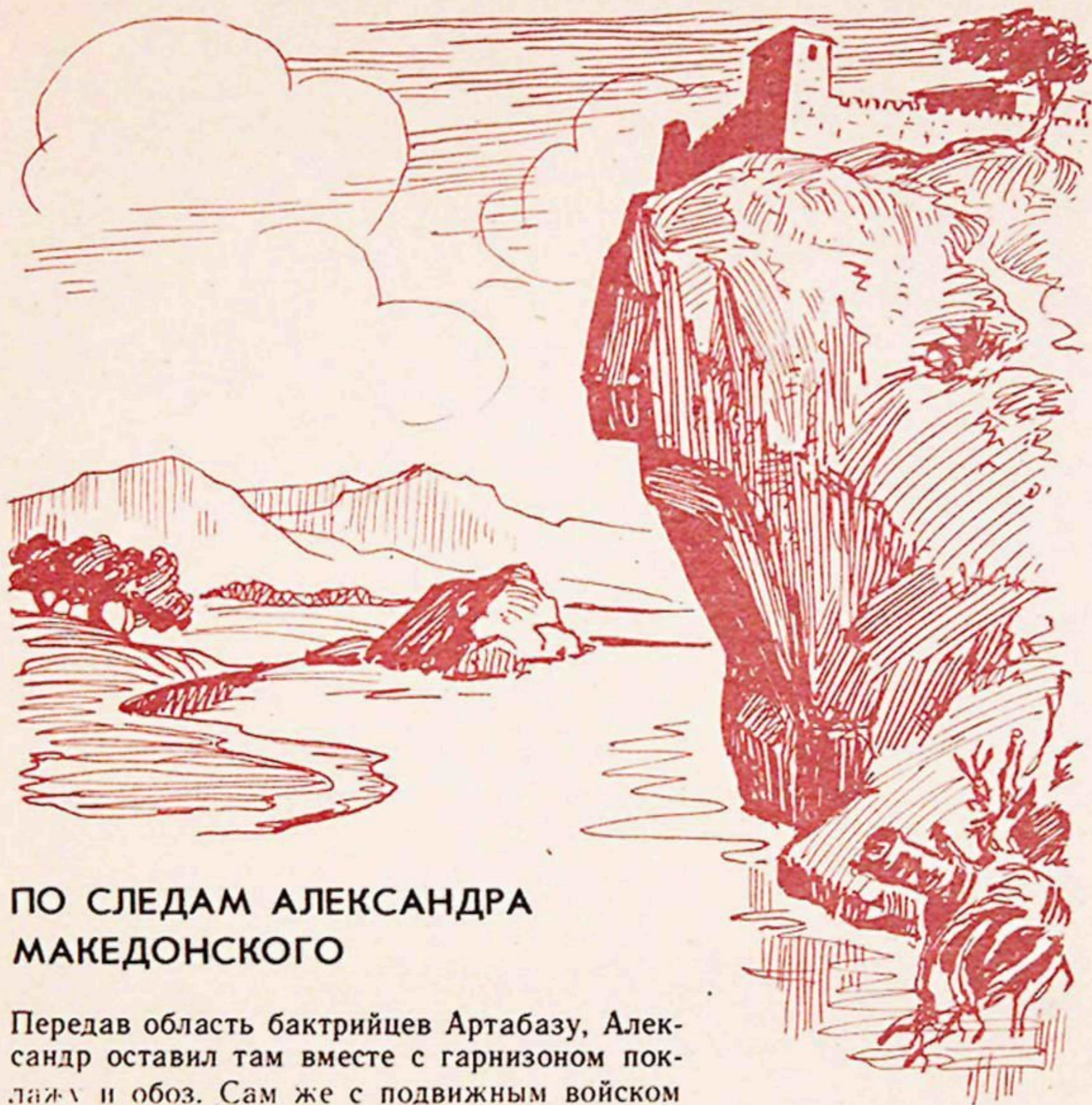
ля и выгоняли на пастбища скот. Люди верили, что жизнь сильнее смерти. Но нередко им приходилось покидать обжитые места и переселяться на новые земли по соседству или в более отдаленные районы.

При раскопках группы поселений долины Сурхана археологами установлены следы трагических событий, происшедших в VI в. до н.э. После сильного пожара и штурма крепостных стен навсегда забрасывается поселение Бандыхантепа 2. В то же время огонь разрушил земледельческие усадьбы и цитадель Кызылтепа в 40 км к северо-востоку от Бандыхана. Но если многие усадьбы вскоре восстанавливаются, то цитадель Кызылтепа забрасывается и пустеет, а обжитая площадь самого поселения значительно сокращается.

Слои пожарищ достигают в толщину местами двадцати сантиметров — это далеко не огонь мирных очагов. Трагедию дополняют следы разрушенных домов, оборонительных стен и башен. Неожиданный упадок поселений. Быть может, это и есть свидетельство похода Кира II в Бактрию?

За двести лет своей истории (VI-IV вв. до н.э.) Бактрия постоянно была ареной бурных политических событий — это ахеменидское завоевание, образование системы сатрапий, время смут и антиахеменидских восстаний, греко-персидские войны, крушение Ахеменидской державы, поход Александра и, наконец, антимакедонское восстание в Средней Азии. Видимо поэтому в IV в. до н.э. многие древнебактрийские поселения пустеют и забрасываются, а их жители переселяются на неосвоенные земли. Здесь на новой основе будут продолжены и развиты традиции древней культуры страны Бахди-Бактриш, «прекрасной с высоко поднятыми знаменами».

ПО СЛЕДАМ АЛЕКСАНДРА МАКЕДОНСКОГО

Передав область бактрийцев Артабазу, Александр оставил там вместе с гарнизоном поклажу и обоз. Сам же с подвижным войском вступил в пустыни Согдианы.

Квинт Курций РУФ

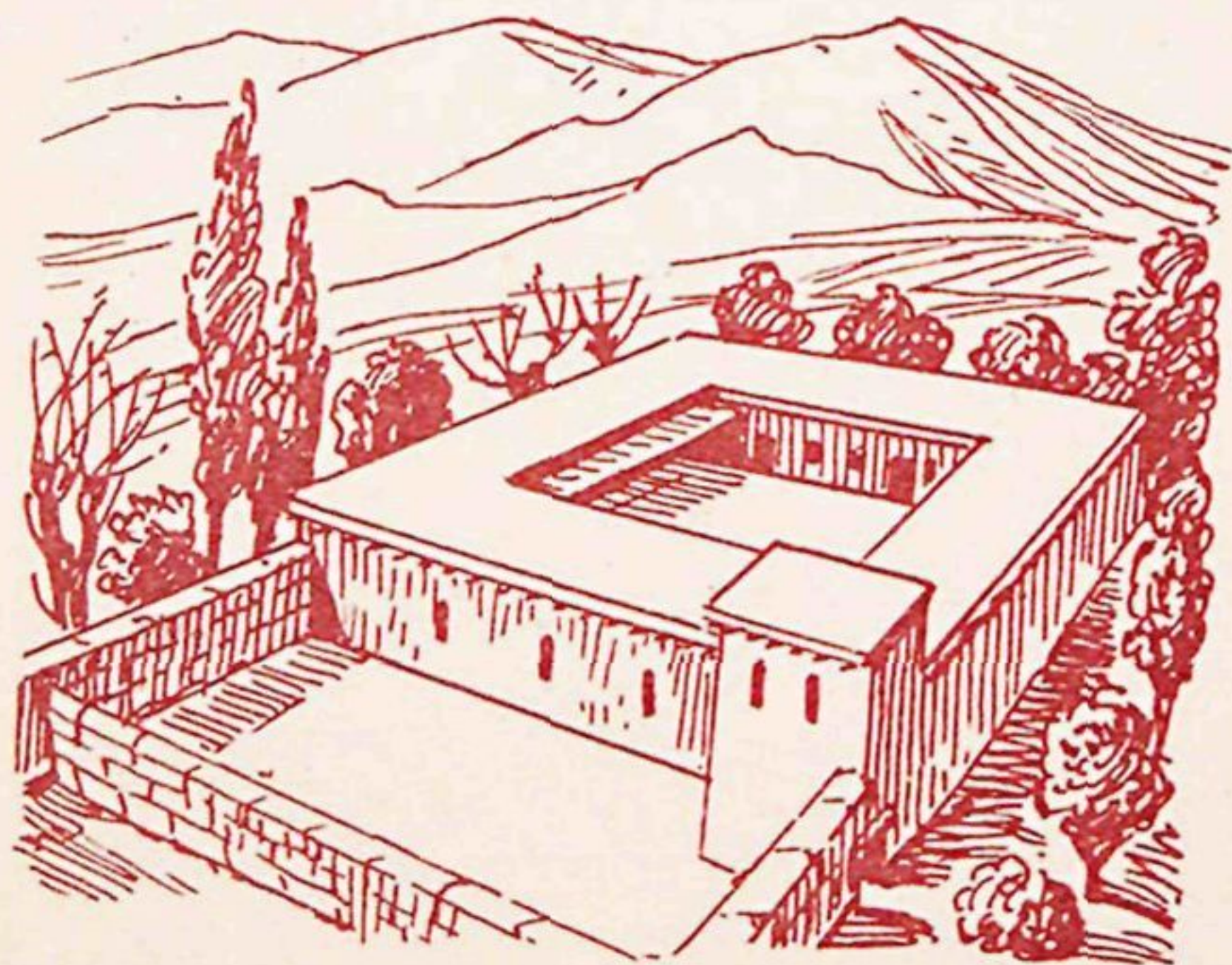
Весной 327 г. до н. э. Александр Македонский, закончив военные действия в Согдиане, направился в горные районы юга Средней Азии. Здесь в области, которую античные историки называют Парейтакена, находилась и «Хориенова скала» — горная крепость, правителем которой был бактрийский вельможа Хориен. Правда, штурмовать ее Александру не пришлось, так как Хориен сдал крепость

без боя. В награду за это Александр подтвердил права Хориена на владение не только этим местом, но и всей областью.

Народ Парейтакены, несмотря на измену своего правителя, не сдался на милость победителям, а начал борьбу против греко-македонских завоевателей. Источники приводят имена двух лиц — Катана и Австана, которые стали руководителями антимакедонского движения на юге Средней Азии.

Для подавления восстания Александр направил одного из своих лучших и испытанных полководцев Кратера с отборными войсками. Во время жестокой битвы на поле брани погиб Катан, а вместе с ним 120 конных и 1500 пеших бактрийцев.

Вопрос о локализации области Парейтакены давно занимал ученых. Уже в конце прошлого века австрийский ориенталист В. Томашек высказал гипотезу, что Парейтакена была горной областью и находилась она в Бадахшане. Другой, не менее известный русский востоковед В.В.Григорьев, помещал ее в районе «Гиссарского края» — в долинах

Усадьба Кызылча. Реконструкция Г.А. Пугаченковой

Сурхана, Сурхаба и Кафирнигана. В понимании И. Маркварта — выдающегося немецкого историка — Парейтакена — это «омываемая рекой область», охватывающая всю правобережную Бактрию, т.е. нынешнюю Сурхандарьинскую область УзССР и часть Таджикистана. Такого же мнения придерживается и ряд советских ученых.

Следует, однако, заметить, что в то время на территории, где исследователи помещали Парейтакену, не было известно ни одного поселения IV в. до н.э., т.е. времени похода Александра Македонского.

Таким образом, материальных свидетельств, которые поддерживали подобную точку зрения, просто-напросто не существовало, и остроумные догадки ученых базировались лишь на скудных данных письменных источников.

В то же время, согласно таким историкам античного времени, как Арриан и Квинт Курций Руф, Парейтакена была областью с достаточно многочисленным населением и, следовательно, с большим количеством населенных пунктов. Естественно, что при определении области Парейтакены должны учитываться не только те топографические указания, которые имеются в письменной хронике, но и наличие в районе, претендующем на подобную роль, многочисленных памятников того времени.

Если исходить из трудов античных авторов, как это делали В. Григорьев и И. Маркварт, то область Парейтакену следует искать в Сурхандарьинской области или в Таджикистане. Но соответствуют ли этому археологические данные? Еще совсем недавно мы не могли бы ответить на этот вопрос. Однако за последнее время, благодаря постоянным маршрутным обследованиям, проводимым сотрудниками Узбекстанской экспедиции и учеными других учреждений на территории Сурхандарьинской области, удалось выявить около 30 археологических памятников, которые относятся к VI-IV вв. до н.э. Эти памятники расположены узкой полосой к предгорьям Байсунтау-Кугитангтау от района Халчаяна до кишлака Музрабад. В процессе наблюдения над топографией их размещения выяснилась интересная закономерность: все они группируются в пяти обособленных друг от друга оазисах, расположенных на небольших горных речках. Каждый из таких оазисов включает в себя три-четыре небольших поселения. Там, где

это удалось проследить, центрами подобных оазисов являются довольно крупные городища с четким развитым планом и мощной фортификационной системой. Такие поселения, как Кызылтепа площадью около 22 га и Бандыхантепа 2 — 14 га, можно, по-видимому, считать зарождающимися городами. Уже сейчас стационарные раскопки выявили высокую культуру населения этих оазисов, хорошо знакомых с поливным земледелием, ирригацией, монументальной архитектурой, строительной техникой и рядом ремесел. Несомненно, что и социальная структура населения этих оазисов достигла уже довольно высокого уровня развития, хотя фактических данных о характере общес-

Каменная
голова

твенных отношений еще недостаточно. Тем не менее можно, по-видимому, говорить, что каждый из оазисов представлял собой совокупность родовых поселений, входивших в состав территориальных общинных объединений, привязанных к определенной речной системе. Характерна, по-видимому, для них и высокая степень имущественного расслоения.

Итак, в результате сделанных открытий перед нами предстает неизвестная ранее область, настоящая страна с многочисленными и многолюдными поселениями. Трудно допустить, чтобы античные историки, подробно описывавшие маршруты походов войск Александра Македонского, не упомянули бы о ней, тем более что второй такой области с подобной концентрацией памятников на юге Средней Азии в пределах Узбекистана и Таджикистане не имеется.

Кызылтепа. Керамика VI-V вв. до н.э.

Сопоставление данных письменных источников и современных археологических исследований убеждает в правильности точки зрения В.В.Григорьева и М.Маркварта, которая получает теперь четкое материальное подтверждение.

Представляется, что предгорная и горная полоса Байсунтау, Кугитанга и, возможно, часть Таджикистана с Кобаданским оазисом с многочисленными поселениями VI-IV вв. до н.э. и есть та самая область Парейтакены, о которой писали грек Арриан и римлянин Квинт Курций Руф.

В ПОИСКАХ ИСЧЕЗНУВШЕГО ГОРОДА БРАНХИДОВ

...Как говорят, скала в Согдиане в 2 раза выше бактрийской. Вблизи этих мест Александр разрушил также город Бранхидов, которых поселил там Ксеркс...

СТРАБОН

Некогда на малоазийском берегу Эгейского моря в древней области Кария стоял богатый торговый город Милет. Выходцы из Милета сыграли важную роль в колонизации побережья Черного моря, где в конце VII — начале VI в. до н. э. ими был основан ряд колоний. Но не только городом Милетом славилась Кария. Неподалеку от него в местечке Дидимы находилось известное святилище и оракул Аполлона Дидимского. По свидетельству историков, оракул в Дидимах по своему значению считался в Греции вторым после знаменитого Дельфийского.

По преданию, основателем святилища был любимец Аполлона Бранх, наделенный особым даром прорицания. Жрецы, воздвигнувшие храм, принадлежали к роду Бранхидов, потомков Бранха. С этими Бранхидами связана одна любопытная история, благодаря которой им было суждено оставить свой след и в истории Средней Азии.

В первой половине V в. до н.э. развернулась греко-персидская война, когда населению Эллады пришлось защищать свою независимость в борьбе против агрессии громадной Ахеменидской державы. Особого ожесточения и размаха война приобрела после того, как на ахеменидском престоле стал править Ксеркс (485-465 гг. до н. э.). Ксеркс собрал огромную по тем временам армию и весной 480 г. до н.э. двинулся на Грецию. Историки сохранили множество подробностей и эпизодов мужественной борьбы греков за свою свободу, один из которых — героическая оборона царя Леонида и трехсот спартанцев Фермопильского прохода — навечно вошел в историю как символ беспредельной любви к Отчизне.

В конце концов, в морском сражении в Саламинском проливе и в битве при Платеях персы были разгромлены и бежали из Греции. Но не все сражались так, как Леонид и его сподвижники. Когда во время похода Ксеркс сжег святилища Аполлона Дидимского, то охранявшие его жрецы-Бранхиды выдали персидскому царю сокровища и ценности бога.

Предательство в глазах соотечественников было очевидным, и тогда, боясь наказания за святотатство и измену, Бранхиды бежали вместе с отступающими войсками Ксеркса. С этого времени дальнейшая их судьба связана уже со Средней Азией, куда, по свидетельству греческого географа Страбона, поселил их персидский царь.

Прошло почти сто пятьдесят лет. Одряхлела Ахеменидская держава. Раздираемая внутренними противоречиями, постоянными восстаниями сепаратистски настроенной знати, управляемая безвольным царем, она не выдержала первых же ударов, нанесенных Александром Македонским.

Весной 330 г. до н.э. Александр был в Бактрах (нынешний Балх в Северном Афганистане). Отсюда он двинулся в погоню за бактрийским сатрапом Бессом, который после убийства Дария Кодомана провозгласил себя ахеменидским царем. Бесс вместе со своими союз-

ником-согдийцем Спитаменом и бактрийцем Оксиартом, отцом будущей жены Александра—красавицы Роксаны, сжег все суда на переправе через Амударью и отступил в Наутаку, на территорию нынешней Кашкадарьинской области. В погоне за ним Александр переправился через Амударью по своеобразному понтонному мосту, наведенному из сшитых палаток, набитых сухой травой.

По свидетельству Квинта Курция Руфа, через некоторое время после переправы Александр Македонский подошел к небольшому городку, населенному теми самыми Бранхидами, которых некогда переселил Ксеркс из Милета. Несмотря на то, что прошло много лет с момента их переселения, они продолжали соблюдать греческие обычаи, но говорили на двух языках и коверкали обиходную греческую речь. Они радостно приветствовали соотечественников, но Александр велел разрушить город до основания и перебить всех его жителей. В конце своего рассказа Квинт Курций Руф горестно заключает: «Так искупили грех предков потомки, которые сами никогда не видели Милета...». Страбон добавляет, что Александр разрушил город из отвращения к святотатству и измене.

Таковы основные сведения о Бранхидах, содержащиеся в письменных источниках. Немногочисленность и отсутствие их в других рукописях породило в научной литературе две полярно противоположные точки зрения. В частности, английский ученый В. Тарн считал, что эпизод с Бранхидами придуман, а на самом деле Александр не встречался с ними. Выводы его, однако, не получили признания, и большинство ученых, в том числе и советских, убеждены в реальном существовании в Средней Азии города потомков жрецов храма Аполлона. Ведь о нем писал не только Квинт Курций Руф, у которого фантазия перемешивается с реальностью, но такие высокоавторитетные ученые древности, как Плутарх и Страбон. Возникла даже своеобразная теория, высказанная советским ученым К.В.Тревер, о существовании в Средней Азии в это время особого языка, представлявшего смешение двух языков — согдийского и греческого. Другие исследователи писали о влиянии Бранхидов на индийское искусство, о чеканке в этом городе ряда древних монет.

Точной локализации города Бранхидов почти не предлагалось, хотя ряд ученых допускали, что он находился на месте современного Ке-

Древнее поселение

лифа, где существовала и до сих пор функционирует крупнейшая в данном участке переправа через Амударью.

Вопрос о месте нахождения городка Бранхидов тесно связан с определением места переправы Александром Македонским через Амударью. Если он переправился у Келифа, то тогда городок надо искать в этом месте, если же у Термеза или у Чушка-Гузара, к западу от Термеза и к востоку от Келифа, то не исключено нахождение городка в Сурхандарьинской области. Однако в ту пору, когда писали вышеупомянутые исследователи, на территории правобережья Амударьи не было известно ни одного населенного пункта ахеменидского периода, и все их домыслы базировались лишь на скудных и отрывочных сведениях письменных источников.

В настоящее время их сопоставление с археологическими данными позволяет более точно рассмотреть вопрос о местонахождении городка Бранхидов.

Начнем с переправы. Квинт Курций писал, что городок находится неподалеку от Амударьи. Однако, как показывают данные археологии, от Келифа до самой Наутаки на территории Кашкадарьинской

области нет таких значительных населенных пунктов ахеменидского времени, как город Бранхидов, который был, по-видимому, обнесен стеной. С другой стороны, тот же автор указывает, что до того, как добраться до переправы, Александру пришлось пройти расстояние в 400 стадий, т.е. немногим более 75 км. Несмотря на отсутствие точных данных об исходной точке маршрута, можно допустить, исходя из контекста, что это были Бактры. От Бактр до Келифа по прямой дороге около 90 км.

Допустим теперь, что переправа произошла у Чушка-Гузара или Шураба, куда по прямой дороге из Бактр около 70 км. Цифра более близкая к расстоянию, указанному у Квинта Курция. Итак, если Александр переправился у Чушка-Гузара или Шураба, что же он мог встретить? Быстрым маршем идут предводительствуемые им войска, но еще быстрее движется его верный друг и полководец Птолемей, сын Лага, который спешит в Наутаку, где Спитамен и Датафарн арестовали Бесса и согласны выдать его Александру.

Пройдены первые десять километров. На пути войск Александра начинают встречаться первые поселения. Но нет, это не может быть местом обитания Бранхидов, ведь в текстах он назван городом или городком, а это очень маленькие сельские поселения или даже отдельные усадьбы. Дорога ведет дальше. Пройдено двадцать километров, даже не расстояние дневного перехода, и на пути Александра среди ровной степи встает крепость с высокими мощными стенами и башнями. Войско готовится к штурму, но ворота открываются и навстречу с криками приветствия на родном языке выходит толпа соплеменников... Дальше происходит то, о чем написано выше, — за святотатство и измену их предков Александр приказывает уничтожить жителей городка. Реально существует этот городок или он придуман автором? — спросит читатель. Нет, никакой выдумки здесь нет. Летом 1972 г. одним из авторов этих строк в 14 км от Шерабада, у кишлака Талашкан было найдено поселение, датируемое V-IV вв. до н. э., т. е. тем временем, когда, согласно письменным источникам, существовал город Бранхидов. А осенью того же года Э. Ртвеладзе вместе с группой студентов — Ш. Заппаровым, О. Маликовым, Э. Рахматовым — произвели детальную разведку этого поселения. Выяснилось, что поселение Талашкан округлое в плане, диаметром около 130 м, было обнесено мощной

стеной шириной 5 метров, выстроенной из крупноформатного сырцового кирпича, т.е. перед нами было достаточно большое поселение, которое с полным правом можно назвать городком.

Так, может быть, это и есть город Бранхидов? Очень заманчивый и соблазнительный вывод, который, правда, пока не выходит за пределы гипотезы, требующей дальнейших и тщательных исследований. А вдруг при раскопках мы найдем греческие надписи, тогда гипотеза приобретет реальность и твердую основу.

Неожиданное подтверждение места переправы и пути следования войск Александра Македонского мы находим у иранского автора XV в. Хафизии Абру в его «Географии». Указывая переправы через Амударью, он пишет, что к западу от Термеза расположена переправа, название которой выдающийся немецкий ученый В.Хенниг впоследствии транскрипировал как Пардагви: «Некоторые говорят, — пишет Хафизии Абру, — что Пардагви был основан задолго до Термеза; по другим — его выстроил Александр; (по этой версии) Пардагви греческое название, данное месту также при Александре, значение его — гостиница. В древности в Пардагви жили главные лодочники, заведовавшие переправами через Джейхун, здесь же было место переправы султанов, переходивших через эту реку...»

Несомненный интерес в рассказе Хафизии Абру вызывает версия, по которой переправа была основана Александром и носила греческое название, которое соответствовало персидскому слову михманханэ — гостиница. Конечно, при написании своего труда Хафизии Абру исходил из какой-то стародавней традиции, а, возможно, использовал летописи, не дошедшие до нас, но как бы там ни было, приведенные им сведения требовали современных научных доказательств. Вопрос «о греческой» переправе на Оксе заинтересовал известного востоковеда В. Ф. Минорского, посвятившего этому пункту специальное исследование. Проведя тщательный филологический анализ, В.Ф.Минорский выявил, что в основе этого названия лежит искаженное греческое слово пандаки — гостиница, вошедшее в ряд восточных языков. Предположение В.Ф.Минорского было подтверждено авторитетным заключением проф. В. Б. Хеннига, который, отметив несомненные искажения при передаче первоначального греческого слова в устной речи,

указал, что в каком-то согдийском диалекте греческое слово «пандаки» превратилось в пардакви или даже в пардагви.*

Итак, можно считать установленным наличие на северном берегу Амударьи неподалеку от Термеза населенного пункта с греческим названием. Поблизости от него находилась переправа, по которой, видимо, и переправлялся Александр Македонский, поскольку возникновение ее источник прямо связывает с его именем.

Но где же она находилась? По сообщению Хафизы Абру, между Термезом и Келифом, но ближе к первому. В.Ф.Минорский почему-то посчитал эти указания неточными, и поместил Пардагви не к западу от Термеза, а к востоку, в месте впадения Сурхана в Амударью.

По всей вероятности, на В. Ф. Минорского повлияло незнание им других переправ в районе между Термезом и Келифом и отсутствие в научной литературе каких-либо сведений об археологических памятниках в этом районе.

Между тем еще штабс-капитан А.Быков, проводивший в 70-х гг. прошлого века рекогносцировки вдоль Амударьи, в районе Термеза — Келифа, отметил переправы Шуроб и Чушка-Гузар, в его время уже почти не функционировавшие и находившиеся в заброшенном состоянии.

В июле 1972 г. было совершено обследование мест этих переправ на предмет выяснения древности их функционирования и наличия археологических памятников. Поиск, затрудненный невыносимой жарой — в кабине машины температура достигала $+65^{\circ}$, а в тени $-46-47^{\circ}$ — и бесчисленными тучами комаров, обитавших в густых тугайных зарослях Амударьи, увенчался успехом.

Если в районе переправы Чушка-Гузар нам ничего не удалось обнаружить, то у переправы Шуроб мы обследовали крупный комплекс городищ Шуроб-Курган и Кампыртепа общей площадью около 20 га с мощной цитаделью и рвами. По найденной здесь керамике и монетам городища датируются второй четвертью I тысячелетия до н.э. и вплоть до позднего средневековья. Убеждение в том, что у переправы Шуроб мы нашли Пардагви, подкрепилось сопоставлением полученных данных со сведениями письменного источника:

— согласно Хафизы Абру, Пардагви находился вблизи Термеза, но к западу от него и неподалеку от бывшей переправы. Найден-

ные городища Шуроб-Курган и Кампыртепа расположены в 25-30 км к западу от Термеза, рядом с переправой Шуроб;

— по одной версии, Пардагви был основан задолго до Александра Македонского, по второй — при нем существовал, вероятно, и во времена Хафизы Абру. Оба городища датируются временем от второй четверти первого тыс. до н. э. (а может быть и несколько ранее) вплоть до XX в.;

— согласно источнику, Пардагви представлял собой большой многолюдный пункт, чему вполне соответствуют крупные размеры городищ и наличие на них остатков ремесленного производства.

Раскопки Талашкантепа

Итак, можно допустить, что Пардагви найден у переправы Шуроб. Но этим не исчерпывается круг вопросов, связанных с его историей. Допустим, название это греческое, что и доказано современными исследованиями, но неужели только при греках была основана эта переправа, а местное бактрийское население совсем о ней не знало? Вопрос этот не менее интересен, чем локализация Пардагви.

Предположим обратное, что переправа была очень древней, а Александр Македонский только воспользовался ею. Мы провели соответствующие исследования. С одной стороны, уже в первой версии Хафизы Абру, в которой говорится, что Пардагви основан задолго до Термеза, содержится довольно явный намек на это. С другой стороны, исследование старых дорог, ведущих от переправы Шуроб на север через кишлак Талашкан к Шерабаду, показало, что вдоль них расположены в основном селения эпохи бронзы и ахеменидского времени (вторая половина II тысячелетия до н. э. — IV в. до н. э.). Та же картина выявляется и при рассмотрении дорог на юг в Афганистан. А поскольку поселения в древности, как и сейчас, располагались в основном вдоль больших дорог, то можно считать, что путь через переправу Шуроб-Пардагви был, по-видимому, древнейшим караванным трактом из центра Бактрии в правобережье Окса. Весьма вероятно, что именно этой переправой воспользовались оседлоземледельческие племена эпохи бронзы, переселившиеся, как это уже доказано рядом исследователей, во II тысячелетии до н. э. из районов Северного Афганистана и Южной Туркмении в долину Сурхана.

Таким образом, первая версия Хафизы Абру выглядит в свете современных исследований весьма правдоподобно, в ней, вероятно, нашли отражение отголоски старых представлений о Пардагви как о древнейшей переправе через Окс. Очевидно, древнее бактрийское население еще в эпоху первобытно-общинного строя и задолго до Александра освоило переправу Шуроб.

Однако создание у переправы Шуроб крупного населенного пункта связано уже с эпохой эллинизма и последующим временем, что отразилось в греческом названии этого места и подтверждается археологическими данными.

Возможно, что у некоторых читателей возникает вопрос, а зачем искать переправу Пардагви или город Бранхидов, существовавшие более

двух тысячелетий назад? Может быть, момент романтики и приключений преобладает здесь над научной стороной вопроса? Нет, ни в коем случае. В поиске всегда есть и романтика и приключения, но если мы найдем город Бранхидов, то его раскопки принесут истории бесценный научный материал первых контактов греков с населением Средней Азии. А отсюда один шаг до эпохи эллинизма, одного из важнейших исторических периодов, когда происходит процесс интенсивного взаимовлияния и тесного сближения древнегреческой и древневосточной культур.

КУШАНСКИЙ ГОРОД ДАЛЬВЕРЗИН

Кладов археологи обычно не находят. Они их даже не ищут. Клады открываются случайно. Так сказать, вне плана.

В. БЕРЕСТОВ

На юге Узбекистана, в плодородной долине Сурхандарьи, в 10 км от райцентра Шурчи, справа от шоссейной дороги Термез-Душанбе возвышаются оплывшие бугры крепостных стен, четким прямоугольником охватывающих древний город.

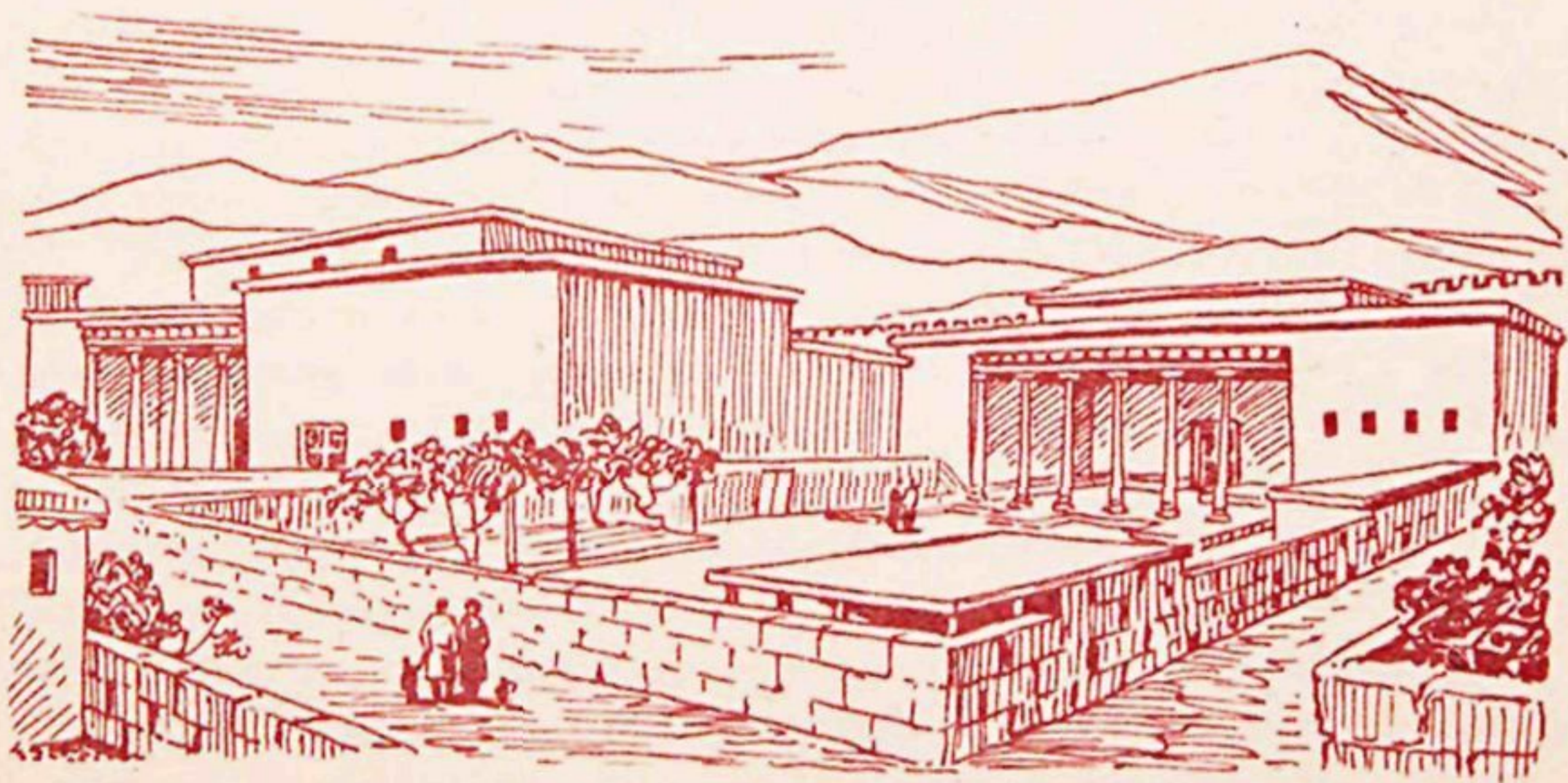
... Мощный вал городской стены, величественные руины цитадели, унылые холмы с сухой колючкой, следы былых сооружений и улиц — все, что осталось от крупного кушанского города. Это — Дальверзин, возможно, первоначальная столица кушан, который стал известен науке благодаря исследованиям Узбекстанской искусствоведчес-

кой экспедиции, возглавляемой Г. А. Пугаченковой уже более 20 лет. Более двадцати полевых сезонов проведены экспедицией и на Дальверзинтепа. Они принесли науке ценнейшие материалы по истории материальной и художественной культуры кушанской цивилизации.

Античные авторы отзывались о Бактрии как о щедрой и богатой земле. «Страна тысячи городов», — писали они. Северобактрийский Дальверзин — один из этих городов, столица крупной густонаселенной области. Прошло более 15 веков, как он опустел и был предан забвению. Руины города превратились в холмы. Что же скрывают они?

Мы на одном из раскопов — «Квартал керамистов». Кто мог предположить, что под небольшим холмом покоятся остатки древней мастерской — гончарные печи и подсобные помещения. Две тысячи лет назад в топках прямоугольных печей пылал огонь. Обжигалась самая разнообразная глиняная посуда — чаши, бокалы, кубки, горшки и блюда. На рынке гончары бойко предлагали свой товар, который быстро расходился по селениям оазиса.

Поиск продолжается. Лопаты взрыхляют грунт. Расчистка стен ножом и замеры, фотофиксация и первые чертежи. Земля таит письмена жизни, а специалисты умеют их читать.

Дальверзин. Дом богатого горожанина.
Реконструкция Г. А. Пугаченковой.

В западной части Дальверзина, у городских стен расположены центральные археологические объекты. Здесь раскапываются дома, принадлежавшие кушанской знати. Самые крупные из них изучаются под руководством археологов Б. А. Тургунова и Т. В. Беляевой. В центральной части каждого дома — просторный приемный зал, вокруг него обводные коридоры, из которых можно было попасть в самые различные помещения — домашнее святилище с нишами, жилые покои, комнаты для слуг, хозяйственные помещения, баню. Живопись и скульптура украшали стены. По многочисленным находкам восстанавливаются быт и культура обитателей домов, живших здесь около двух тысяч лет назад.

Каждый сезон в лагере археологов выпускается стенгазета «Канишка смеется». Стенгазета названа именем царя Кушанской империи — Канишки. В ней помещают стихи и рассказы, шаржи и юморески, отражающие события жизни экспедиции. В 1973 году в «Канишке» больше всех фигурировал отряд, раскопавший в восточной части Дальверзина винохранилище. Объект стал предметом специальных «дискуссий». Было чему удивляться. Бактрийцы, получившие в науке весьма неплохую репутацию — искусных строителей, гончаров и ювелиров, оказались и неплохими виноделами и любителями вина. Вино хранили в огромных, достигающих почти что двух метров в высоту сосудах — хумах. Такой сосуд с трудом поднимали на носилках четыре человека (для сравнения: в него свободно может поместиться высокорослый мужчина). В винохранилищах располагались десятки хумов, видимо для вин разных сортов и выдержки. В таких огромных складах хранилось «доброе вино» явно на продажу. Нетрудно догадаться, как сельский житель, приехавший в город за железным серпом или ножом, брал на дорогу домой и горшок белого либо красного вина. Взамен он оставлял монеты, которые через столетия на полу винохранилища обнаружат археологи.

В окрестностях Дальверзина, видимо, располагались крупные плантации виноградной лозы и поля, занятые бахчевыми и другими сельскохозяйственными культурами. Изучение городища и его округа позволяет судить не только о городском ремесле и строительстве, материальной и духовной культуре, но и об уровне развития иррига-

Дальверзин. Голова Бодисатвы из Буддийского храма. Гипс.

ции и сельского хозяйства, о взаимоотношениях города и деревни в эпоху античности...

Перечень находок на Дальверзине довольно внушительный—скульптура, живопись, прекрасные образцы керамики, художественные изделия из слоновой кости и шахматные фигурки, недорогие и драгоценные украшения и предметы быта. А орудия труда, оружие, формы для литья и заготовки для ремесленных изделий и многое другое!.. Находок действительно много и одна из них, о которой мы расскажем, признана учеными сенсационной.

Остановите на улице археолога и спросите: «Можно ли найти на раскопках золотой клад?» Подавляющее большинство опрошенных ответит твердо: «Нет!» Другие безразлично: «Возможно», ну, а третьи шутливо: «Конечно! И не раз!» И действительно, не раз археологи находили сенсационные золотые клады, что в глазах общественности делает их иногда романтичными кладоискателями. Достаточно вспомнить знаменитые раскопки скифских курганов или гробниц фараонов Египта, а сколько кладов найдено еще в разных концах Земли? Никто их не считал. И, видимо, не надо.

Золотой клад — далеко не главная задача в научном поиске. Археологи о нем никогда не думают. Есть проблемы куда важнее. И все же находки, как правило, редкие, хотя, как признают сами археологи — весьма приятные, встречаются.

...В декабре 1972 г. в переполненном зале заседаний Ученого совета Института искусствоведения имени Хамзы шла пресс-конференция. Большинство из присутствующих в зале были вовсе не археологами, хотя речь шла об археологическом открытии. Еще осенью в газетах появились сообщения о Дальверзинском кладе.

Взад-вперед сновали корреспонденты газет, щелкали кино- и фотоаппараты, репортеры торопливо исписывали блокноты. На столе, для всеобщего обозрения, красовались многочисленные золотые изделия. Выступающие отмечали важность уникального открытия и поздравляли участников экспедиции. За 13 лет работы Узбекистанской искусствоведческой экспедиции это была первая пресс-конференция и до сегодняшних дней пока единственная. А между тем о научных открытиях небольшого коллектива экспедиции уже давно знали далеко за пределами страны благодаря публикациям статей и монографий.

Клад был обнаружен в раскопе Т. В. Беляевой — богатом жилом доме Дальверзина. Возможно, к стенам города подошел неприятель. Опустела рыночная площадь. Купцы увели караван. Торговцы закрыли лавки. Богачи, готовясь к бегству, стали прятать драгоценности. Владелец клада закопал его под полом узкого помещения, напоминающего клетушку, в небольшом гончарном сосуде... Такое невзрачное хранилище было выбрано далеко не случайно. Мало кто пожелал бы заглянуть в него.

Это помещение фигурировало на плане археологов под номером тринадцать. Почти никаких находок здесь не было. Археологи раскопали его на глубину около трех метров и остановили раскопки. До клада оставалось каких-нибудь полметра, два-три штыка лопаты в глубину, но никто не знал об этом. Помещение на время было предано забвению. И вот осадки медленно разрушают его стены, а пол постепенно покрывается толстым слоем пыли, на котором дает всходы верблюжья колючка. Помещение вновь приобретает «неопрятный» вид. Парадоксально, но история чуть не повторилась. По непонятным причинам не вернулся за кладом его владелец, и кажется, даже археологи не захотели до конца изучать комнату № 13. Но клад все-таки извлекли на свет. Сделали это студенты-практиканты, которые получили задание углубиться в помещение ниже уровня пола. Два парня и девушки никак не могли понять, что блестит на солнце, неожиданно появившись из-под штыка лопаты. Первыми догадались пред-

Дальверзин. Гребень
из слоновой кости

ставители «слабого пола» — это ювелирные украшения, и тотчас стали «примерять» на себя золото. Ребята стали копать дальше. Вдруг показалось разбитое горло керамического сосуда, а в нем — золото. Первое впечатление: много золота! Браслеты, серьги, бляхи, шейные украшения и прямоугольные бруски (вес некоторых брусков достигал около 900 граммов). Всего 115 предметов, отлитых из чистого золота, общий вес которых превышал тридцать килограммов.

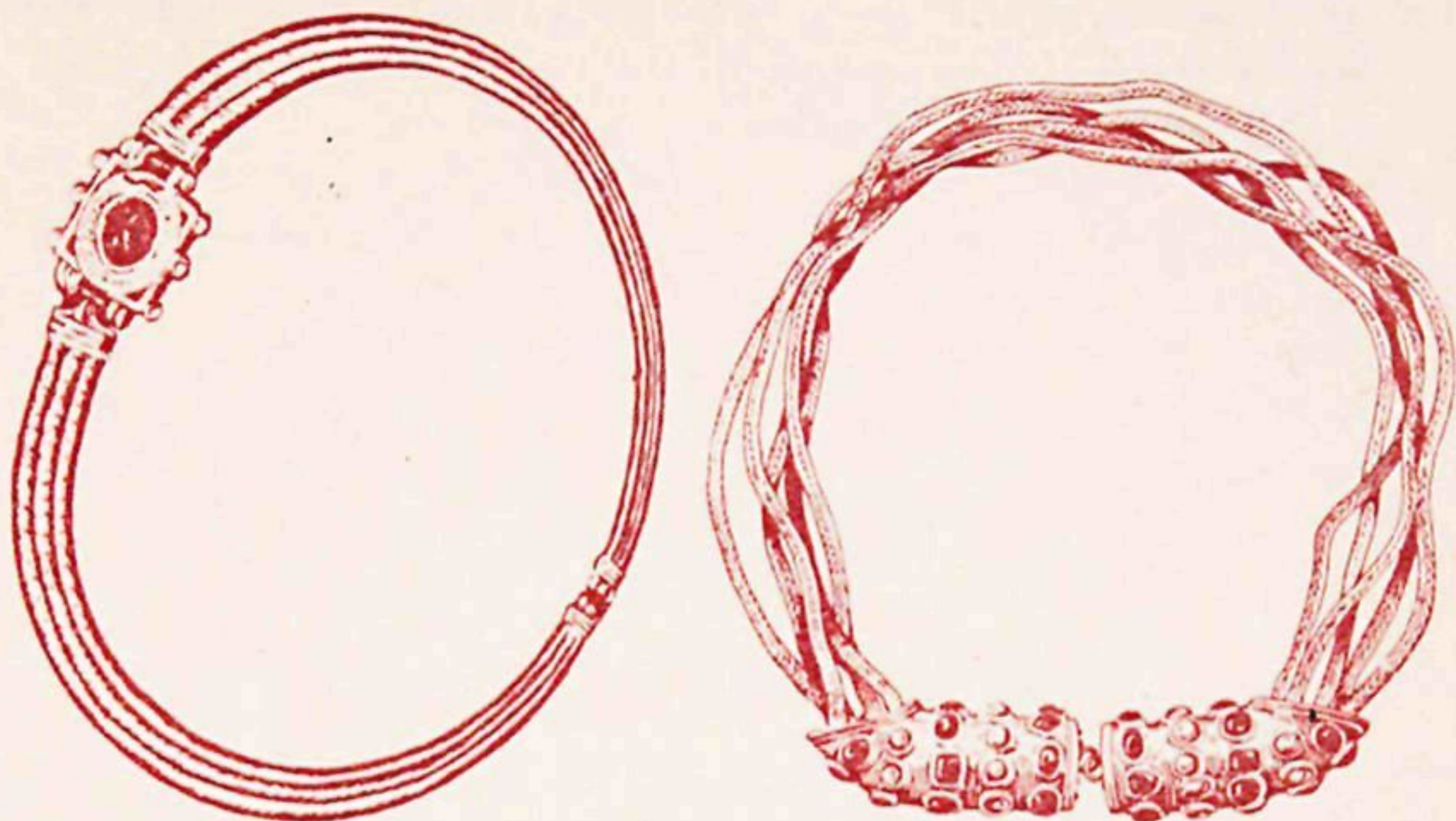
Открытие неожиданное. Авторы книги, работавшие в тот сезон на других объектах, стали очевидцами открытия. А одному из них был предложен не совсем обычный тест.

Клад был разложен на столе археологического кабинета для предварительного описания и составления документации. Стол накрыт скатертью. Археолог, вернувшийся с раскопок и еще не знавший о существовании клада, заходит в кабинет и видит четырех чем-то взволнованных коллег. Один из них спрашивает: «Хочешь фокус покажем?» — «А интересный?» — «Увидишь...» Предлагается закрыть глаза и подойти к столу. Вопрос: «Со мной ничего не случится?» — Взрыв смеха: «Не знаем!»

Археолог открывает глаза и видит на столе кучу какого-то невероятного металла желтого цвета. «Медные украшения», — мелькает в мыслях, которые тотчас растворяются в вопросе: «Ты видел когда-нибудь столько золотых вещей?!» — «А-а, золото? ..Нет, никогда не видел!»

Затем археологи подсчитали, взвесили и описали украшения. Составили документацию в нескольких экземплярах и расписались в ее достоверности. Рано утром, когда еще солнце дремало в ущельях Бабатага, два сотрудника экспедиции увезли клад в Душанбе. Оттуда с первыми лучами солнца самолет доставил их в Ташкент.

На пресс-конференции эти маленькие истории с кладом заставляли всех улыбаться. Но определенный риск с его доставкой был. К большому счастью необычных путешественников, в ту пору в аэропорту Душанбе еще не успели установить всем хорошо знакомые подковообразные врата сигнализации. Уж на металл они сработают на всю мощность! Представьте переполох в аэропорту — две понсенные сумки, набитые золотом! Их везут весьма подозрительные, небритые мужчины с туркестанским загаром, а неподалеку граница...

Дальверзин. Золотые украшения

Впрочем, дальше не надо. Ничего такого не было. Тема для авантюристического романа остается открытой.

Дальверзинский клад стал вторым после Амударьинского бактрийским кладом. Оба они представляют большую ценность — ювелирную, художественную и научную. Но история с находками золотых изделий на территории Бактрии на этом не заканчивается. В конце 1978 — начале 1979 г. на территории Северного Афганистана, также входившей некогда в состав Кушанской империи, сотрудники Советско-Афганской экспедиции раскопали несколько богатых погребений, первое из которых было обнаружено нашим товарищем — З.Хакимовым. В них археологи обнаружили более 20 тысяч ювелирных предметов из золота и серебра, инкрустированных драгоценными камнями.

ми. Не случайно древний холм, где были устроены погребения, назывался Тиллятепа — Золотой Холм. В Бактрии довольно часто встречаются термины, так или иначе олицетворяющие идею благородного металла. Это «златоконный» и «златовратый» город Зариаспа — Бактры, «обладающий золотыми верблюдами» царь Зороастр, или Зараткамар — Ущелье Золотого огня и Зарабаг — Золотой сад. Златые врата, кони, холмы, ущелья и сады Бактрии. Златые руки его народа, сотворившие в легендарной стране культуру, пылавшую веками Золотым Огнем.

ОТКРЫТОЕ НЕОЖИДАННОЕ И ДОЛГОЖДАННОЕ

Я вижу черепов оскалы,
Скелетов груды... Боже мой,
Кто были вы?...

Франсуа ВИЙОН

В археологии нередки открытия, совершенно неожиданные и как бы случайные. А между тем в большинстве они не только результат счастливого случая, но составная часть многолетнего, упорного планомерного поиска.

На юге Узбекистана археологи долго и настойчиво искали древние могильники, связанные с оседло-городским населением. Вы спросите: почему? Дело в том, что в этом районе, составлявшем в прошлом значительную часть Северной Бактрии, до сих пор был известен лишь один небольшой могильник кушанского времени (I в. до н.э. — IV в.

н. э.) у городища Айртам. Правда, они значительно лучше известны в соседнем Таджикистане, но и там, за некоторым исключением, большинство могильников принадлежит кочевникам, завоевавшим Бактрию во II-I вв. до н. э.

А как хоронили жители городов и поселений Северной Бактрии? Каких погребальных обрядов придерживались они? Многие в этих вопросах по-прежнему оставались для исследователей неизвестными, тогда как изучение именно городских некрополей могло в конечном счете решить чрезвычайно важный вопрос о характере господствующей религии, исповедуемой населением Северной Бактрии в античное время. Может быть, они были буддистами, храмы и святилища которых за последнее время найдены здесь в разных местах? Или зороастрийцами, на что намекали отдельные свидетельства письменных источников и имена зороастрийских божеств на кушанских монетах? А вдруг ни то, ни другое, а какие-либо древнебактрийские религиозные обряды по-прежнему продолжали жить среди коренного населения Бактрии.

В общем, проблема некрополей стала для ученых разных специальностей, работающих над историей греко-бактрийской и кушанской культур, задачей первостепенной важности.

И вот открытие состоялось.

Неподалеку от городища Дальверзинтепа найден очень своеобразный и интересный могильник. Разумеется, его материалы полностью не решают всех проблем, связанных с религией Северной Бактрии, но ярко и убедительно свидетельствуют, что по крайней мере часть населения исповедовала зороастризм, поскольку открытые в Дальверзинском наусе погребения совершены согласно требованиям зороастрийской погребальной обрядности.

Зороастризм — древняя религия. Ее исповедовали ираноязычные народы. Название свое она получила от имени основателя — Заратуштры, что со староиранского переводится как «обладающий золотым (или старым) верблюдом». Большинство ученых считают, что Заратуштра — лицо вполне реальное, а не мифическое. Однако мнение это небесспорно.

Время жизни Заратуштры зороастрийская традиция определяет в «258 лет до Александра» (имеется в виду Александр Македонский).

Принимая во внимание эту дату и привлекая другие косвенные данные, многие исследователи считают, что Заратуштра (в греческом произношении Зороастр) жил в конце VII — начале VI века до н.э. Согласно той же традиции, проповедь новой религии Заратуштра начал при дворе Кави Виштаспы — правителя Бактр (нынешний Балх в Северном Афганистане), куда он прибыл со своей родины Арьянам Вайджа. Эту область ученые ищут то в Мидии, то в Маргиане, то в Хорезме. Как бы там ни было, в числе первых последователей зороастризма были бактрийцы — Кави Виштаспа и его приближенные.

В чем суть религии Заратуштры, или, если быть более точным, религиозной реформы, поскольку в нее очень много вошло и из старого многобожья ираноязычных народов?

Время, когда Заратуштра начал проповедь своих идей, было чрезвычайно важным в истории Средней Азии и Ирана. Происходила ломка старых первобытно-общинных отношений, складывались классовые.

Алтарь огня

Новая религия отражала эти перемены и служила зарождающемуся классовому обществу. Она призывала к политическому объединению и созданию сильной централизованной власти, к решительной борьбе против кочевых народов, ставших в этот период настоящим «бичом божьим» для населения земледельческих оазисов.

В религиозном аспекте так же, как и в социальном, реформа Заратуштры сводилась к проповеди единого божества Ахурамазды (буквально «господин мудрый»), к борьбе с бывшими племенными божествами — асурами и дайвами, которые объявлялись врагами Ахурамазды.

Отныне провозглашается постоянная и непримиримая война между добром и злом, правдой и ложью, светлым и темным. Борьба эта приобретает космические масштабы и становится основой зороастрийского дуализма, причем светлые силы возглавляет Ахурамазда, а во главе темных становится Ангро-Манью-Ахриман.

Все многообразные функции языческого пантеона отныне передаются своеобразной коллегии так называемых Амеша Спента, которых шесть и которые не божества, наделенные плотью и кровью в языческом понимании, а отвлеченные сущности, наделенные плотью условно и по существу являющиеся лишь функциями единого божества. Решительно отвергаются и многие древние языческие обряды, в частности употребление хаомы — ритуального наркотика.

Правда, с течением времени религия Заратуштры, постепенно распространяясь среди ираноязычных народов и сохраняя свою основу, претерпевала некоторые изменения. Так, снова появились (и остались) свергнутые Заратуштрой дайвы, восстанавливаются жертвоприношения и возлияние хаомы, абстрактные функции единого божества опять наделяются плотью и кровью. Воху Манах (добрая мысль) покровительствует скоту, Аша Вахишта (лучшая правда) — огню и т.д. Постепенно складывается зороастризм — одна из важнейших религий древности, впитавшая в себя религиозно-философский дуализм Заратуштры, старые иранские культы и исторические предания.

Окончательно оформился зороастризм при Сасанидах (III — VII вв. н.э.). В это же время широко распространяется зороастрийская литература. Надо сказать, что на первых порах священные тексты зороастрийской религии передавались из поколения в поколение устно и

только по прошествии нескольких веков после смерти Заратуштры были сведены в единый текст и записаны.

Была создана Авеста — священная книга зороастрийцев. Считается, что ее первая кодификация произошла, по-видимому, в I в. до н. э., хотя ряд ученых, опираясь на зороастрийскую традицию, возводит это событие ко времени первых Сасанидов (III-IV вв. н. э.). Тогда же появился и сам термин «Авеста» — по-среднеперсидски апастак, что означает «основа», то есть основной текст.

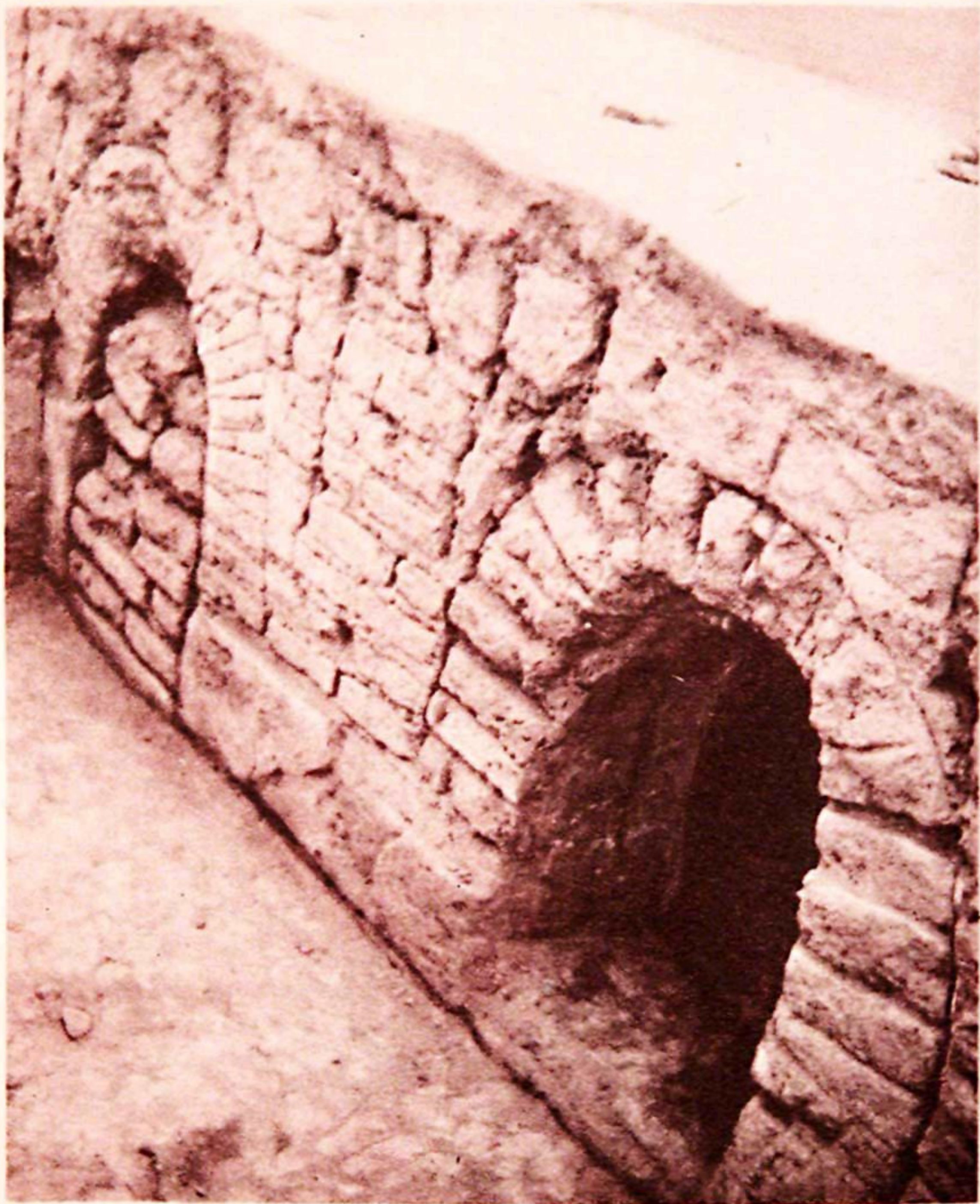
Авеста — сборник религиозных текстов зороастрийской религии, наподобие Корана у мусульман или Библии у христиан, сложившийся в разное время и на разной территории. Большая часть Авесты после принятия Ираном ислама погибла, и до нас дошли лишь те ее тексты, которые были необходимы для повседневной религиозной практики.

Наиболее интересен Видевдат, буквально — «закон против дэвов». Это жреческий кодекс, содержащий правила ритуального очищения, перечня грехов и добродетелей, правила совершения различных обрядов, в том числе и погребальных.

Зороастризм выработал сложную и весьма своеобразную погребальную обрядность. В основе ее — строгое предписание Авесты о том, что ни землю, ни огонь, ни воду нельзя осквернять соприкосновением с трупом. Тот, кто закопает труп человека или собаки в землю, совершит тяжкий грех и за это должен быть подвергнут 500 ударам «лошадиной плетью». А участок земли, где погребен человек или собака, в течение года нельзя орошать или засеивать.

Но как же тогда быть? Как похоронить умершего? Зороастрийские жрецы выработали строгую последовательность сложного погребального обряда, изложенного в Видевдате. В нем предписывалось, что труп умершего человека сперва необходимо поместить в ката — небольшую постройку, а затем отнести на дахму (естественную возвышенность или специальное сооружение), где птицы, хищники или специально обученные собаки обглодают труп. И только после того очищенные кости разрешается помещать в определенные костехранилища, выстроенные из камня, глины или извести.

В Видевдате эти костехранилища именуются «исдана», а в более поздних пехлевийских текстах — «астодан», перевод названий до сих пор остается неясным и понимается двояко. Одни ученые полагают,

Склепы Дальверзинского науса

что термином «исдана» — «астодан» обозначались глиняные ящико-оссуарии, — их находят очень часто в Средней Азии. Другие, и в частности В.Хенниг, переводили термин как земляной склеп — гробница (эту мысль разделяют и авторы данной книги).

Погребением занимались специальные люди, так называемые ристокаша, считавшиеся нечистыми. Им запрещалось находиться ближе 30 шагов от огня, воды, барсмана (культовый пучок ветвей), подходить к людям ближе чем на три шага.

Кроме авестийских терминов широко был распространен и термин «наус», восходящий к греческому слову «наос» — храм, и обозначавший у зороастрийцев сасанидского периода и первых веков ислама надгробное сооружение для хранения очищенных костей умерших.

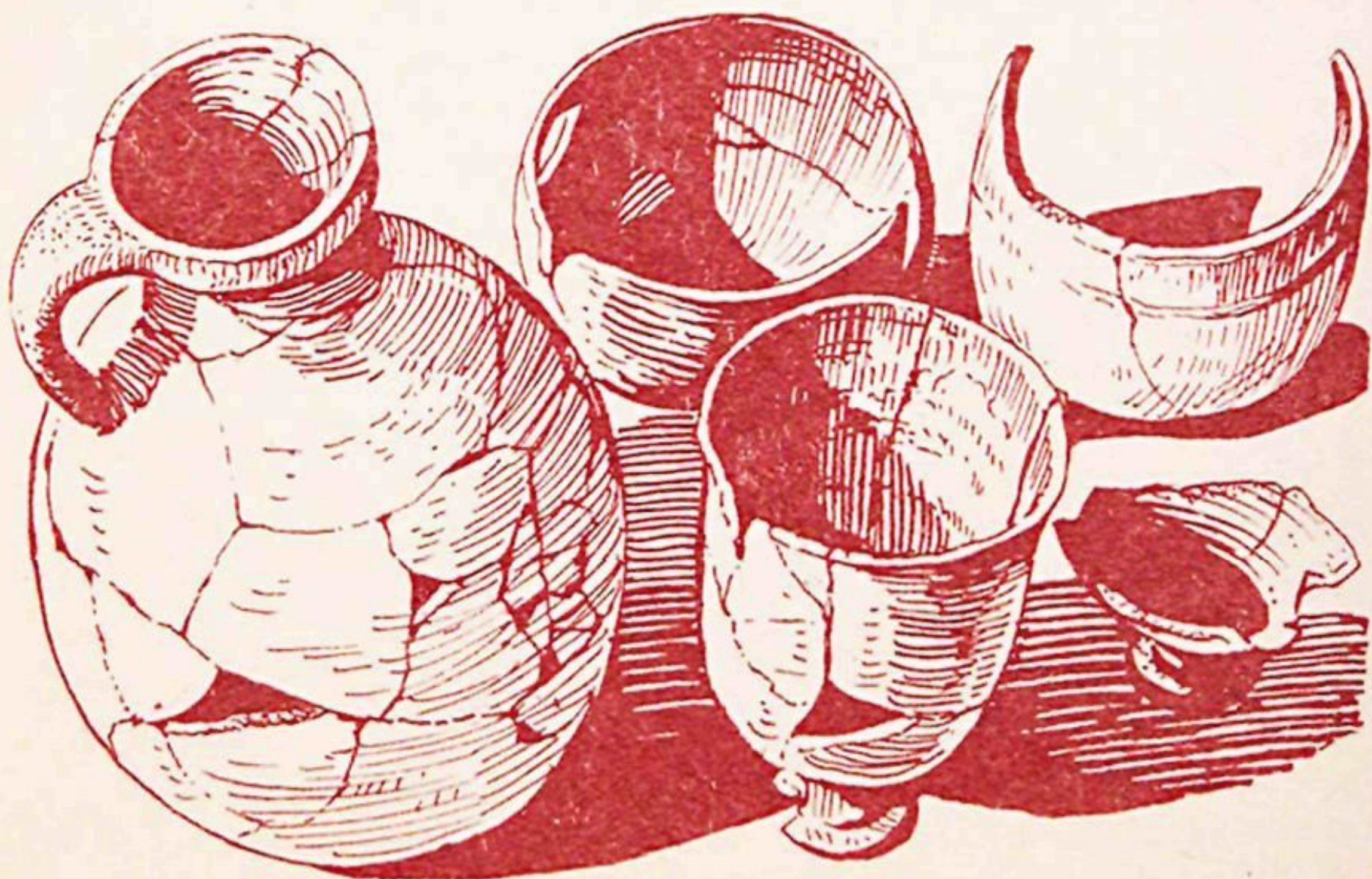
Неподалеку от городища Дальверзинтепа среди современных хозяйственных построек одиноко возвышался небольшой, ничем не приметный бугор высотой до 2,5 и диаметром около 20 м. Много раз его видели и мы, члены Узбекистанской искусствоведческой экспедиции.

Но вот однажды бульдозерист начал разрушать соседний бугор. Из-под ножа бульдозера появились различные предметы, однако, бульдозерист не обращал на это внимания. На счастье, местные жители остановили дальнейшие «раскопки», а спустя несколько дней бугор осмотрели археологи З.Хакимов и Э.Ртвеладзе и пришли к выводу, что это погребальная постройка. Приступили к раскопкам. И вот под оплывами бугра появилось квадратное в плане здание (13x13 м) на невысоком глинобитном стилобате, выстроенное из пахсы (битой глины) и квадратного сырцового кирпича. На оси его — центральный коридор шириной 2,1 м, который с северо-восточной стороны перегородивала мощная стенка шириной 2,5 м, а с юго-западной был вход. По обеим сторонам коридора находилось по четыре прямоугольных склепа (2,7x1,25 м, высотой до 1,7 — 1,75 м), перекрытых овальными сводами, выложенными из специального кирпича.

В каждый из склепов вел арочный проход длиной 70 см, а сами входы были оформлены в виде арок, выложенных из сырцового кирпича. По обе стороны от входных арок кирпичи укладывались так, что образовывали прямоугольную раму с тимпанами, отдаленно напоминающую порталы средневековых мавзолеев.

Каждый склеп использовался для погребения в течение длительного времени. Во втором склепе, например, расчищено три погребальных уровня. В самом нижнем было погребение в большой корчаге — хуме. В нем — скелет в вытянутом положении. Затем хумное захоронение перекрыли сырцовым кирпичом и на новом уровне осуществили захоронения, но уже не самих трупов, а предварительно очищенных на дахме костей. Они лежали на полу склепа без всякого порядка.

Любопытно, что здесь не было ни одного черепа, хотя оказалось восемь нижних челюстей — возможно, это какая-то местная особенность погребального обряда? Так же беспорядочно стояли восемь сосудов и среди них — изящный бокал на высокой профилированной ножке, кувшины, миски, кубки, железные браслеты, бронзовые и железные кольца и множество бус из различных материалов. Спустя довольно длительное время над этим горизонтом были похоронены еще два трупа (захоронение уже совсем другое — трупы уложены друг на друга), после чего вход в склеп заложили сырцовым кирпичом и покрыли толстым слоем штукатурки.

Керамическая посуда из Дальверзинского науса

Итак, в одном склепе — три разных погребальных обряда. Мы склонны объяснить это тем, что не было еще твердо выработанного единого обряда, и люди хоронили покойного в соответствии со своими религиозными воззрениями. А вот уже на среднем уровне все погребения совершены по обряду, близкому к зороастрийскому. Следовательно, он получил признание у жителей Дальверзинтепа.

А верхние погребения? Они были совершены, судя по монете кушанского царя Васудевы 1, спустя 200-300 лет после средних и говорят о том, что на смену зороастрийским обрядам пришли другие, следовательно, изменились и религиозные воззрения.

Средние же, главные погребения науса, вероятно, зороастрийские. Здесь соблюдены основные правила канонической зороастрийской погребальной обрядности.

Далее. Размеры склепов Дальверзинского науса точно такие, которые предписываются в Видевдате.

Когда же был возведен Дальверзинский наус?

На это отвечают изящные красно-ангобированные бокалы с цилиндрическим и колоколовидным туловом, кубки, миски, кувшины, фиалы, тарелочки с клювовидным венчиком. Точно такие же по форме и материалу сосуды найдены в бактрийских памятниках II-I в. до н.э. на городище Ай-Ханум, в Тулхарском и Тупханинском могильниках, нижних слоях Дельверзинтепе и Старого Термеза и т. д. И вот, исходя из этого, наиболее вероятная дата — II-I вв. до н.э., то есть предкушанское и раннекушанское время.

Совсем недавно сведения о зороастризме в Бактрии ограничивались весьма скудными свидетельствами письменных источников.

Долгое время никаких археологических доказательств вообще зороастризма в Северной Бактрии не имелось. Наконец, в 1960 г. при раскопках на городище Халчаян в слое III в. до н. э. был найден хум, содержащий череп и несколько очищенных костей. Эта находка позволила Г.А.Пугаченковой уже тогда поставить вопрос о существовании в Бактрии погребального обряда, связанного с какой-то местной разновидностью зороастризма. В 1973 г. в Южном Таджикистане, на городище Шахтепе археологи нашли и раскопали кладбище с зороастрийскими погребениями, датируемыми раннекушанским временем. И вот Дальверзинский наус. Получены интересные материалы,

впервые указывающие на существование зороастрийской религии у жителей крупного бактрийско-кушанского города.

Дальверзинский наус со склепами оригинальной конструкции и архитектурным типом всей погребальной постройки, предназначенной для зороастрийского обряда погребения, является самым старым сооружением подобного типа на территории «зороастрийского мира». Правда, в Хорезме известны захоронения этого времени, а возможно, и более ранние, но это не склепы, а глиняные ящички-оссуарии. Наус, но опять-таки с оссуариями первых веков н.э. обнаружен и вблизи Мерва, в Маргиане. А среди собственно иранских археологических материалов наиболее ранние подобные погребения датируются серединой I в. н. э.

Таким образом, Дальверзинский наус — по существу совершенно новая и неизвестная ранее страница истории Бактрии.

Однако не только этим ограничивается значение этого открытия. Раскопки говорят о том, что это было обособленное погребальное сооружение, предназначенное для захоронения определенной группы людей, связанных между собой узами кровного родства, — таково заключение антропологов. Судя по количеству погребенных (более тридцати человек), наус, видимо, был предназначен для нескольких поколений большой семьи. И тогда погребение в одном из склепов, а оно отличается от других более богатым оформлением могильной ямы, можно рассматривать как погребение главы или, возможно, общего предка семьи — патронима.

И еще. Дальверзинский наус — это архитектурное сооружение, своего рода мавзолей, с регулярной системой сводчатых камер, с оригинальной кладкой как бы «портальных» входов. И это все чрезвычайно интересно для истории архитектуры Северной Бактрии.

ТРОН БОГИНИ НАНЫ

Что ты видишь в темных безднах давних,
смолкнувших веков!

Гафур ГУЛЯМ

Сейчас наш рассказ еще об одной из дальверзинских находок, которая, пожалуй, выделяется среди многих своей загадочностью.

Началось это десять лет назад, хотя предыстория насчитывает уже более двух десятилетий. В 50-х гг. Узбекистанская искусствоведческая экспедиция приступила к раскопкам Дальверзинтепе, который, как полагают, скрывает остатки первой столицы Кушанской империи, возникшей в последние века до нашей эры и павшей в III-IV вв. нашей. Работы экспедиции, как было сказано, принесли науке ценнейшие материалы по истории и художественной культуре кушан — ос-

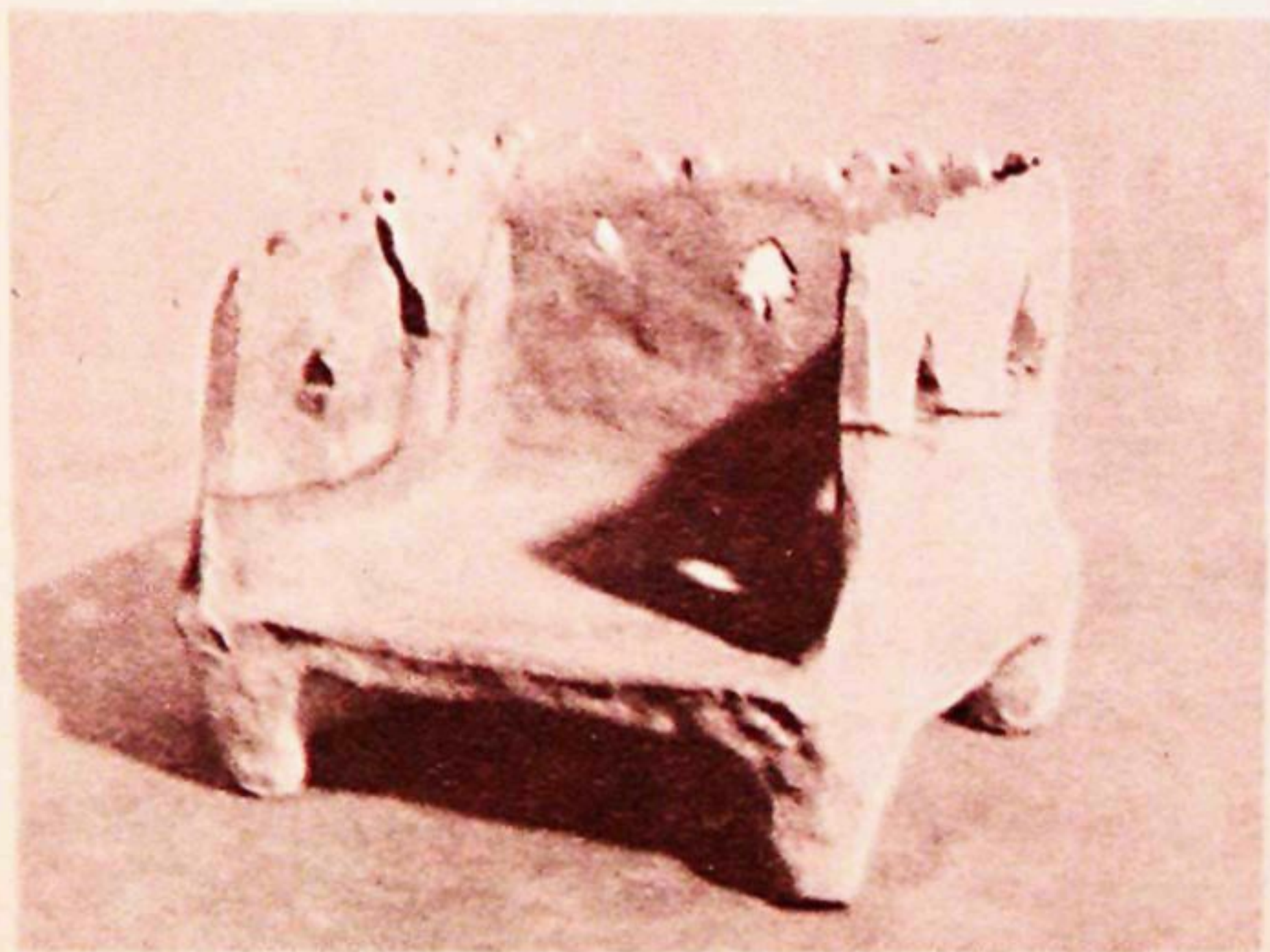
нователей одного из самых могущественных государств Средней Азии, равного таким колоссам древнего мира, как Парфия и Рим.

За эти годы были раскопаны буддийский храм и дома богатых и рядовых жителей, гончарные мастерские и крепостные стены. Сокровищница мирового искусства пополнилась шедеврами древней живописи и скульптуры.

И вот десять лет назад мы приступили к раскопкам бугра у северо-восточной стены Дальверзинтепе.

... Этот «пяточок» отнял у нас пять полевых сезонов, ибо скрывал остатки здания, существовавшего почти ... 300 лет! Хитросплетения коридоров, комнат, залов, бесконечное число раз перестраиваемых за эти века, не давали ни минуты покоя — строили тогда в основном из сырцового кирпича, и надо было каждый раз улавливать, куда повернет только что найденная стена, чтобы не «запороть» раскоп. Само по себе открытие такого здания дает богатейший научный материал: ведь перед исследователями «свидетель» трех веков непрерывной жизни.

Но, как говорится, это оказалось лишь присказкой.

Трон богини
Наны

Разбирая завал одного коридора, мы обратили внимание на постоянно встречающиеся кусочки многоцветной штукатурки, которых становилось все больше по мере приближения к полу, и осенью 1971 г. приступили к полному вскрытию коридора. Расчистка велась очень тщательно — только кисточками и скальпелем. Целыми днями, не разгибая спины, не обращая внимания на жару, священнодействовали реставраторы Володя Лунев, Хаким Хуснутдинходжаев, Нина Сотникова, Олег Маликов. Фрагментов живописи было много, но в состоянии ужасном — перемешанные с землей и обломками сырцового кирпича, рассыпавшиеся на мельчайшие кусочки, они буквально распадались на глазах. Художник экспедиции Аброр Исламов метался от одного раскопчика к другому, чтобы успеть вовремя зарисовать все, что осталось.

Наконец, все закончено — мы извлекли около пятидесяти сравнительно крупных и мелких фрагментов живописи и скульптуры. И теперь уже можно подвести первые итоги.

Живопись вызывает двойственное впечатление: с одной стороны, прекрасное изображение женского лица, с другой — примитивно нарисованные руки и пальцы мужчины. Быть может, художник был не один: «мэтр» рисовал лица, а его ученики — второстепенные детали? Но главная загадка — сюжет живописи. Размеры живописного панно были небольшими: в длину немногим более двух метров, в ширину — около полутора. Изображения даны в половину человеческого роста на красном фоне, расписанном растительными побегами с цветами и бутонами, видимо, символизирующими пробуждение природы.

Справа — изображение сидящей женщины, по всей видимости, богини, так как вокруг ее головы нимб. Локтем правой руки, закинутой за спину, она опирается на спинку «трона», изображенного в виде крыла птицы. На шее женщины — ожерелье из бус, на правой руке — браслет.

В центре — другая женская фигура, вероятно жрицы. На ее плече — запеленатый черноволосый младенец в остроконечном колпачке. Лицо младенца выражает испуг. В левой приподнятой руке у жрицы еще один младенец. Она смотрит на мужчину, без сомнения, жреца, который тоже держит младенца. Лицо женщины сохранилось хорошо — и нас поразила тревожный взгляд ее карих миндалевидных

Голова богини Наны

глаз, устремленный на жреца с младенцем. У жреца широкоскулое полное лицо с черной окладистой бородой и свисающими усами. Черные волнистые волосы подхвачены надо лбом белой лентой. Чувствуется, что он наиболее активный персонаж сюжета.

Но какого? Что за таинственный обряд скрыт в содержании росписи? И не храм ли здание, которое мы раскопали?

Подобного сюжета пока не встречено не только в Средней Азии, но и на всем Среднем и Ближнем Востоке. Именно эта уникальность да вдобавок плохая сохранность затрудняют расшифровку содержания. Богиня, судя по «звериному» трону, на котором сидит кушанская богиня Нана, владычица зверей.

Не случайно, конечно, художники изобразили детей. Можно бы предположить, что на фреске изображен какой-то обряд, связанный с обращением к богине за благословением детей — подобные сюжеты известны. Но откуда тогда драматическая напряженность в позе и взглядах детей и жрецов? Почему на лицах вместо канонического выражения просветления — страх и тревога? Есть и другие гипотезы, но каждая из них останется спорной, видимо, до тех пор, пока археологи найдут аналогичный памятник: ведь открытая фреска уникальна не только по сюжету, но и по возрасту. Созданная в конце I — начале II в. н. э., она является одной из древнейших в Средней Азии.

ЖЕЛЕЗНЫЕ ВОРОТА

Насторожись, стань крепче в стремя,
В ущелье мрак, шумящие каскады.
И до небес скалистые громады
Встают в конце ущелья, как стена.

И. БУНИН

Железные ворота (Дар-Аханин, Бабал-Хадид, Темир-капиг, Темир-Кахалга) — одна из замечательных исторических и географических достопримечательностей Узбекистана — расположены почти у самой границы Кашкадарьинской и Сурхандарьинской областей. Юго-восточнее перевала Акрабат или Чакчак в горном хребте Сарымас имеется узкое ущелье длиной около 2 км и шириной от 5 до 20 м, ограниченное известковыми обрывистыми скалами высотой более 150 м.

Сейчас полузабытое и мало кому известное, это ущелье играло в древности выдающуюся роль. Через него проходил главный торговый путь, связывающий Согд с Бактрией и Индией, вторгались бесчисленные орды воинственных кочевников, следовали дипломатические представители и странствующие монахи. Позволим себе несколько пофантазировать и перенесемся в Среднюю Азию в далекие от нас времена.

Из столичного согдийского города Самарканда в Балх и далее в Индию отправлялся богатый торговый караван. Молодой купец, впервые шедший в столь дальние края, с почтением обратился к седобородому караванбаши:

— О всезнающий! Скажи, встретятся ли на нашем пути какие-либо интересные места или все они будут унылыми и серыми?

— Дорога, которой ты будешь следовать, — ответил караванбаши, — пересечет высокие снежные горы и многоводные реки, пройдет через безводные пустыни и цветущие оазисы с большими древними городами.

Немного помедлив, он продолжил:

— Много интересного будет на вашем пути, но одно из великих чудес, которое увидят твои глаза, — это Железные ворота. Некоторые говорят, — усмехнулся караванбаши, — что это чудо сотворил бог, а другие, и я им больше верю, утверждают, что проход к горам прорубили древние богатыри, чтобы разным народам было удобнее торговать друг с другом.

— И как далеко до них? — спросил купец.

— Шесть дней пути, — ответил старец.

Пройдя Согд и Кеш, караван вступил в обширную горную страну, где дорога стала каменистой и вела вдоль пропастей и оврагов. Изредка встречались небольшие поселки и караван-сарай. Наконец, она подошла к узкой расщелине в горном массиве. Может быть с этим караваном, а может, с иным на поклонение буддийским святыням Индии около 630 г. н. э. шел странствующий монах Сюань Цзянь. Впоследствии он написал интересное сочинение, в котором, наряду с другими местами, увиденными им в Средней Азии, впервые описал

Железные ворота. По его словам, в то время вход в ущелье преграждали двустворчатые ворота, обитые железом, к створкам которых было прикреплено множество железных колокольчиков. Так ли это было в действительности, или Сюань Цзянь приукрасил свое сообщение, остается лишь гадать, но примечательно, что испанский посол ко двору Тимура Рюи-Гонзалес де Клавихо, посетивший это место почти через восемьсот лет, слышал от местных жителей, что в прежние времена здесь находились ворота, покрытые железом, и никто без позволения не мог пройти через них. Вполне возможно, что свое название проход получил не только из-за действительного их наличия, но благодаря природной мощи и величию. Характерно, что средневековые мусульманские авторы именовали так многие горные ущелья и перевалы, никогда не имевшие железных ворот. После Сюань Цзяня Железные ворота неоднократно упоминаются в арабо-персидской историко-географической литературе. Они были настолько хорошо известны в древнем мире, что упоминания о них содержатся даже в знаменитых древнетюркских рунических надписях, найденных в Монголии, в долине реки Орхон. Во времена тюркских вождей Бумыня и Истеми-кагана (VI в. н. э.) Железные ворота являлись крайним пределом расселения тюрков. Позже воинственные тюркские народы через этот проход вторглись в страну Тухоло (Тохаристан), расположенную по обеим сторонам верхнего течения Амударьи и подчинили ее своему влиянию.

Первыми известными нам европейцами, прошедшими через Железные ворота, были члены испанского посольства — уже упомянутый рыцарь Рюи-Гонзалес де Клавихо, магистр богословия Альфонса Паэса де Санта Мариа и королевский телохранитель Гомес де Салазар. В мае 1403 г. это посольство, отправленное королем Кастилии Генрихом III ко двору Тимура, выехало морским путем из Испании в Константинополь, откуда через Трапезунд и Иран достигло Балха, а в августе 1404 г. переправилось через Амударью и прибыло в Термез.

Согласно дневниковым записям Клавихо, которые он вел в течение всего путешествия, из Термеза члены посольства выехали в

пятницу, 22 августа, и уже через три дня в понедельник 25 августа были у Железных ворот, где они отдохнули в красивом караван-сарае, украшенном разноцветной майоликой и мозаикой. Знаменитый проход настолько поразил Клавихо, что он посвятил его описанию несколько страниц своего дневника. «Это горы очень высокие, — пишет Клавихо, — и в этом месте есть проход, которым можно пройти сквозь горы по трещине и кажется точно он проделан человеческими руками, потому что с обеих сторон поднимаются такие высокие горы, а проход ровный и очень глубокий... Этот проход в горах называется Железные ворота и во всей этой цепи гор нет другого прохода, кроме этого».

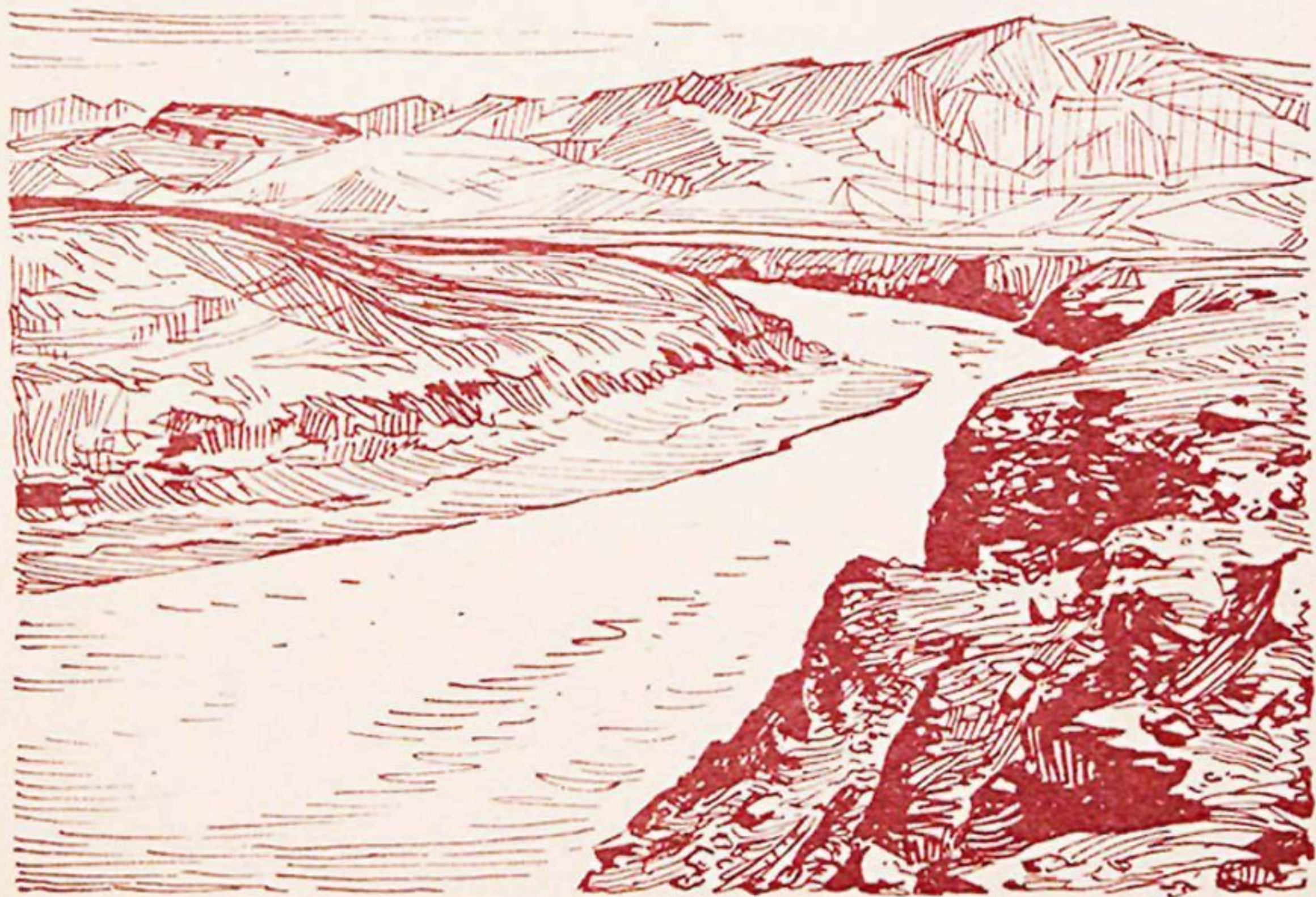
Постепенно древнее наименование стало забываться и уже с середины XVIII в. н.э. проход именуется поэтическим названием Бузгалахона (дом лани), или просто Дербент. В европейской и русской географической и исторической литературе долгое время бытовало ошибочное мнение о точном местоположении Железных ворот. Ошибался даже знаменитый географ А.П.Федченко. Установить их подлинное местонахождение удалось участникам Гиссарской экспедиции 1875 г., возглавляемой известным географом и этнографом Н. А. Маевым. Железные ворота посещали затем и другие русские путешественники, а в 1879 г. художник Н. А. Каразин сделал рисунок прохода, позднее неоднократно публиковавшийся в разных книгах, в том числе в знаменитой географии Э. Реклю.

Во время строительства Большого Узбекского тракта дорога была перенесена несколько западнее Железных ворот и после того они потеряли свое прежнее значение. За исключением местных жителей, мало кто посещал Железные ворота, и с течением времени они снова были забыты, в результате чего на картах их истинное местоположение, как правило, искажено.

Вновь открыть Железные ворота, опираясь на описание И. В. Мушкетова, посчастливилось географу О. И. Пославской.

Что же представляет собой этот знаменитый проход? Позволим себе привести выдержки из его описания, сделанные Н.А.Маевым и И.В.Мушкетовым, поскольку нам по ряду причин, о которых будет

рассказано ниже, не удалось полностью пройти через него. Известный путешественник и ученый XIX в. И. В. Мушкетов писал: «Ущелье Железные ворота очень узкое, ширина его не превосходит 10 сажень (21 м), а местами и меньше, дно его весьма гладкое, ровное, усыпанное мелким речным песком и галькой, так что представляет прекрасное естественное шоссе. Склоны его совершенно отвесные и выдвигаются футов на 500 (150 м) над дном. При такой громадной высоте склонов и ничтожной ширине оно представляется трещиной». В отличие от этого сухого академического изложения описание Железных ворот Н.А.Маевым очень эмоциональное. «Трудно представить себе, — писал он, — что-нибудь мрачнее и величественнее этой громадной трещины в угрюмых, нависших над дорогой скалах. Впечатление еще более усиливалось тем, что мы проезжали здесь за час до заката солнца, когда в ущелье было уже темно и сыро, как в

Пейзаж в долине Сурхана

могиле... Это какой-то мрачный, извилистый коридор, которому, как кажется, ежеминутно грозит опасность быть заваленным какой-нибудь обрушившейся скалой. Эхо разносит и повторяет каждое сказанное слово, а стук копыт коней отдается гулом в ущелье...»

Одному из авторов удалось побывать в начале Железных ворот в непогожий весенний день 1969 г. Первая половина дня была посвящена обследованию долины Шуробсая — небольшой речушки с солоноватой водой. Здесь найдены остатки средневекового караван-сарая, видимо, того, где в начале XV в. отдыхал испанский посол Клавихо со своими спутниками. Другой удачей было обнаружение небольшого средневекового селения, расположенного на левом берегу сая. И тут вспомнилось, что в письменных источниках рядом с Железными воротами упоминается селение, сожженное во время похода саманида Куха ибн Насра в 948 г. против мятежного правителя Чаганиана — средневековой области, располагавшейся по среднему и верхнему течению Сурхандарьи — Абу Али Чагани. Несомненно, это оно, поскольку следов других средневековых поселений, несмотря на упорные поиски, найти здесь не удалось. Пообедав, археолог оставил машину у сая, а сам отправился на поиски Железных ворот, довольно точные ориентиры которого указал седобородый чабан Хурам Мухамедов.

Надо сказать, что весна этого года выдалась необычайно дождливой, даже небольшие ручейки от постоянных дождей наполнились водой и неслись с бешеной скоростью с Кугитанга и Байсунтау, разрушая мосты и размывая большие участки дороги. Селевым потоком был разрушен даже большой мост через Кичик Урадарью, и нам пришлось простоять целую ночь в большой колонне автомашин, пока дорожниками спешно наводилась временная переправа. Пошел дождь и во время похода к Железным воротам. Пока археолог добирался до них по довольно крутой долине, радующей глаз сочной зеленью, на небе были лишь небольшие облачка. Но уже на подходе к ущелью тучи сгустились и слились в одно непрерывное темное пятно. Мрачные, угрюмые скалы и черные тучи, нависшие над ними, все усиливающаяся канонада грома производили непередаваемое впе-

чатление. Едва были пройдены по ущелью около 100 м, как разразилась страшная гроза, какая бывает только в горах. Конечно, ни о каком обследовании не могло быть и речи. Вымокший и грязный исследователь с большим трудом уже в темноте добрался до машины. Мы не могли задерживаться здесь, были другие неотложные дела, поэтому пришлось пока отложить поиск следов Железных ворот и селения, находившегося посередине прохода, о которых писали китайский монах Сюань Цзянь и испанский рыцарь Клавихо. Радость новых интересных открытий здесь еще впереди.

. . .

Последние страницы книги — рассказ заканчивается. Но так не скажешь о поиске, кропотливой и целенаправленной работе археологов. Поиск продолжается.

Экспедиции археологов, прибывшие из Ташкента, Ленинграда, Самарканда и Москвы, вновь разбивают лагери у руин легендарных бактрийских городов. Десятки специалистов — археологи, искусствоведы, историки, антропологи, архитекторы, нумизматы и другие — решают самые различные проблемы древнебактрийской культуры.

Когда античные авторы собирали свои первые сведения о Бактрии, то вряд ли они предполагали, что их хроника станет через века предметом специальных научных дискуссий. Древние авторы, разумеется, также не подозревали о том, что исторические судьбы народов, описанные в их трудах, будут проверены не только временем, но и сквозь призму археологических исследований.

Сегодня — в конце XX столетия, — благодаря этим работам горизонты истории значительно расширены, как разделы первых научных представлений — углублены в сто крат.

Нередко еще можно слышать, что археология — наука не «продуктивная». Действительно, она не выпускает машин, не плавит сталь и не спускает на воду океанские лайнеры. Но, видимо, не зря тысячи и тысячи людей, создающих все земные блага, идут в исторические музеи и спешат за тридевять земель в древние города к памятникам старины, а на витринах магазинов не пылятся книги, рассказывающие о далеком прошлом. Залог грядущего покоится на фундаменте прошедших тысячелетий.

И бактрийская история нашла свое место в этом гигантском фундаменте цивилизаций Земли. Это была страна не только высоко поднятых гордых знамен и богатых городов, но и страна древней, самобытной культуры, созданной трудом населявших ее народов.

На рассвете над суровыми снежными вершинами Гиссара и Памира просыпаются знойные лучи южного солнца — наступает новый день. Но и ночью, когда они мирно спят в холодных горных ущельях, древняя земля Бактрии озарена светом — пылают золотые огни костров древнебактрийской культуры. Это далекое пламя служит очагом поиска и новых открытий в стране Золотого Огня.

СОДЕРЖАНИЕ

Дорогами поиска 5

От авторов 13

Заря Сурхана 16

Когда молчат предания 28.

По следам Александра Македонского 44

В поисках исчезнувшего города Бранхидов 50

Кушанский город Дальверзин 60.

Открытие неожиданное и долгожданное 69.

Трон богини Наны 79

Железные ворота 84.

Анатолий Сагдуллаевич Сагдуллаев

Эдвард Васильевич Ртвеладзе

В СТРАНЕ ЗОЛОТОГО ОГНЯ

Редактор Р. Аванесов

Художник Н. Агапова

Худ.редактор К. Алиев

Тех. редактор В. Демченко

Корректоры: Л. Касачева, Г. Волкова

ИБ № 2933

Сдано в набор 6.01.82. Подписано в печать 3.05.83. Р.01189. Формат 70×108¹/₃₂. Бумага офсетная. Гарнитура «Журнально-норубленая» фотонабор. Печать офсетная. Усл. печ. л. 4,2. Усл. кр. отт. 9,01. Уч. изд. л. 4,46. Тираж 6000. Заказ № 97. Цена 25 коп.

Издательство «Узбекистан» 3-700129,
Ташкент, Навои, 30. Изд. 298—81.

Отпечатано на фабрике офсетной печати Госкомитета Совета Министров УзССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли, Е-700128, Ташкент, ул. У. Юсупова, 86.

Сагдуллаев А. С., Ртвеладзе Э. В.

**В стране золотого огня.—Т.:Узбекистан, 1983.—
93 с., ил.**

1. Соавт.

**ББК 63.4(2У) + 63.3(2У)
902.6 + 9(С52)**

№ 334—83
Гос.б-ка УзССР
им. А. Навои.

1507000000 155
С ————— 83
М 351 (04) 83

ОРДЕНА ДРУЖБЫ НАРОДОВ ИЗДАТЕЛЬСТВО «УЗБЕКИСТАН»
ВЫПУСТИЛО В СВЕТ СЛЕДУЮЩИЕ КНИГИ:

Азимов И.

«АРХИТЕКТУРНЫЕ ПАМЯТНИКИ ФЕРГАНСКОЙ ДОЛИНЫ»

72 стр., тираж 8 000, цена 30 коп.

Ходжаев В. Б.

НАРОДНЫЙ ПАРК УЗБЕКИСТАНА

48 стр., тираж 5 000, цена 25 коп.

Колбинцев А.

ТАШКЕНТСКИЙ ОАЗИС

118 стр., тираж 17 000, цена 40 коп.

Калинин Г.

ФОРТАМБЕК И ЕГО ВЕРШИНЫ

100 стр., тираж 10 000, цена 45 коп.

25 к.

„УЗБЕКИСТАН“